
Переводные

учебники ВШЭ

Michael J. Loux and Thomas M. Crisp

Metaphysics

A CONTEMPORARY INTRODUCTION

Fourth Edition

Майкл Дж. Лакс, Томас М. Крисп

Метафизика

СОВРЕМЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ

Перевод с английского
МАРИИ СЕМИКОЛЕННЫХ
под научной редакцией
СЕРГЕЯ ЛЕВИНА

Издательский дом Высшей школы экономики
МОСКВА, 2024

УДК 11
ББК 87.1
М54

<https://elibrary.ru/jacrnl>

Подготовлено в рамках проекта ВШЭ
по изданию переводов учебной литературы

Перевод подготовлен при поддержке Фонда «Теозстетика»

Переводчик *Мария Семиколенных*
Научный редактор *Сергей Левин*

Лакс, М. Дж., Крисп, Т. М.

М54 **Метафизика: Современное введение / М. Дж. Лакс, Т. М. Крисп ; пер. с англ. М. В. Семиколенных ; под науч. ред. С. М. Левина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».** — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 472 с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2712-2 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2881-5 (e-book).

Книга представляет собой подробное введение в метафизику — раздел философии, стремящийся ответить на вопрос, каковы основные виды существующих вещей и как они соотносятся между собой. Например, реальны ли прошлое и будущее или же есть лишь настоящее? Авторы анализируют развитие дискуссий и современные взгляды на такие темы, как проблема универсалий, части и целое, необходимость и возможность, существование объектов во времени и др. Читатель познакомится с различными теориями причинно-следственных отношений и узнает о рациональных основаниях считать, что метафизика может открывать нам структуру бытия. Книга включает в себя обширную библиографию и список литературы для дальнейшего изучения.

Издание будет полезно как тем, кто только приступает к изучению метафизики, так и специалистам.

УДК 11
ББК 87.1

Перевод книги: *Michael J. Loux, Thomas M. Crisp. Metaphysics. A Contemporary Introduction. Fourth Edition*

Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group LLC

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2712-2

ISBN 978-5-7598-2712-2 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2881-5 (e-book)
ISBN 978-1-138-63933-1 (англ.)

Copyright © 2017 Taylor & Francis.
All Rights Reserved
© Перевод на русский язык.
Фонд «Теозстетика», 2024.
Все права защищены

Содержание

Предисловие научного редактора перевода	8
Предисловие к российскому изданию	10
Предисловие к первому изданию.....	13
Предисловие ко второму изданию.....	15
Предисловие к третьему изданию	16
Предисловие к четвертому изданию	17
Введение.....	18
Предварительный обзор	18
Природа метафизики: некоторые соображения исторического характера	19
Метафизика как категориальная теория	29
Рекомендуемая литература.....	36
1. Проблема универсалий I:	
Метафизический реализм.....	37
Предварительный обзор	37
Реализм и номинализм	38
Онтология метафизического реализма.....	40
Реализм и предикация	43
Реализм и абстрактная референция	50
Налагаемые на реализм ограничения: экземплификация	54
Дальнейшие ограничения: определенные и неопределенные предикаты	62
Возможны ли неэкземплифицированные атрибуты?.....	68
Рекомендуемая литература.....	72
2. Проблема универсалий II: Номинализм.....	73
Предварительный обзор	73
Предпосылки номинализма	74
Строгий номинализм.....	80
Металингвистический номинализм	93
Теория тропов.....	106
Фикционализм.....	117
Рекомендуемая литература.....	120
3. Конкретные партикулярии I:	
Субстраты, пучки и субстанции	121
Предварительный обзор	121
Теория субстрата и теория пучков.....	122

Довод против теории пучков: субъектно-предикатный дискурс	133
Еще один аргумент против теории пучков: тождество неразличимых	139
Довод в пользу теории субстрата	146
Проблематичность теории субстрата.....	149
Аристотелевские субстанции	154
Рекомендуемая литература.....	168
4. Пропозиции и их соседи	169
Предварительный обзор	169
Традиционная теория пропозиций.....	170
Номиналистский подход к пропозициям.....	182
Факты, положения дел и события	197
Рекомендуемая литература.....	207
5. Необходимое и возможное	209
Предварительный обзор	209
Проблемы модальности	210
Возможные миры.....	216
Номинализм возможных миров	220
Метафизика номинализма возможных миров: Дэвид Льюис	226
Актуализм и возможные миры: Алвин Плантинга.....	235
Рекомендуемая литература.....	251
6. Причинно-следственные отношения	252
Предварительный обзор	252
Теория причинности Юма.....	252
Возражения против теории Юма.....	258
Неоюмовские подходы	263
Рекомендуемая литература.....	273
7. Природа времени	275
Предварительный обзор	275
Аргумент Мак-Таггарта.....	276
В-теория	284
А-теория.....	290
Новая В-теория	301
Рекомендуемая литература.....	307
8. Конкретные партикулярии II:	
Неизменность объектов во времени	308
Предварительный обзор	308
Две теории постоянства: эндурантизм и пердурантизм	309

Сохранение во времени и природа времени.....	314
Онтология пердурантизма	320
Довод в пользу пердурантизма: изменение свойств объекта.....	325
Второй довод в пользу пердурантизма: изменение объекта по частям.....	332
Рекомендуемая литература.....	343
9. Конкретные партикулярии III:	
Части и целое.....	344
Предварительный обзор	344
Проблема многих.....	345
Мереологический нигилизм	348
Мереологический модератизм.....	352
Мереологический универсализм	364
Метафизика конституции	365
Партизм.....	370
Относительное тождество.....	372
Простой универсализм	375
Рекомендуемая литература.....	380
10. Метафизическая неопределенность	382
Предварительный обзор	382
Что такое метафизическая неопределенность?.....	383
Эпистемическая неопределенность	388
Возможны ли примеры метафизической неопределенности?.....	393
Композиция и метафизическая неопределенность.....	394
Будущие контингенты и метафизическая неопределенность.....	399
Квантовая физика и метафизическая неопределенность.....	400
Лингвистическая и метафизическая неопределенность.....	401
Этическая неопределенность и метафизическая неопределенность	404
Аргумент Эванса против нечеткого тождества	405
Рекомендуемая литература.....	414
11. Проблема анти-Реализма	415
Предварительный обзор	415
Две точки зрения на природу реальности.....	415
Анти-Реализм Даммита.....	423
Непостижимость референции	433
Анти-Реализм Патнэма	442
Реализм или анти-Реализм?	448
Рекомендуемая литература.....	460
Библиография	461

Предисловие

научного редактора перевода

Данная книга является современным введением в раздел философии, называемый метафизикой. Авторы, Майкл Дж. Лакс и Томас М. Крисп, используют восходящее к Аристотелю представление о метафизике, понимаемой как учение о категориальной структуре реальности. Категории — это предельно общие понятия, и метафизики рассуждают, какие категории обозначают то, что существует, и как они соотносятся между собой.

С момента первой публикации в 1998 году работа выдержала четыре переиздания. Автором предыдущих трех изданий был Лакс, а в четвертое, перевод которого представляется вниманию читателя, добавлены две главы, написанные Томасом Криспом, — глава 9 о мереологии конкретных партикулярий и глава 10, посвященная метафизической неопределенности. С Майклом Лаксом я имел удовольствие познакомиться лично в 2014 году на семинаре-практикуме по аналитической философии. В свободное от семинара время мы как обсуждали сложные проблемы метафизической структуры реальности, так и шутили об устройстве современных университетов. По обеим темам у моего собеседника есть информированное мнение. Лакс долгое время работал руководителем департамента философии в католическом Университете Нотр-Дам, а метафизика — это его основная философская специализация.

В книге затрагиваются практически все классические вопросы метафизики. Она начинается с дебатов реалистов и номиналистов о природе универсалий. В первых главах демонстрируется, что спор об универсалиях — это не только проблема средневековой схоластики, но и предмет живого внимания современных философов. Заканчивается книга обсуждением фундаментального вопроса о границах познаваемости реальности и нашей способности производить о ней истинные суждения. Мне представляется, что это — принципиальный и в высшей степени важный вопрос, имеющий значение не только для академической философии.

В книге раскрываются аргументы приверженцев разных теорий, при этом взгляды самих авторов, как правило, оказываются на стороне реалистической метафизики здравого смысла. Авторы симпатизируют таким метафизическим представлениям, согласно которым предметы нашего повседневного мира, их свойства и отношения между ними реальны и познаваемы. При этом альтернативные взгляды с точки зрения здравого смысла могут показаться довольно экстравагантными: например, утверждение Дэвида Льюиса о реальности всех возможных миров или идея о том, что носителем всех свойств вещей является чистый субстрат, который, в свою

очередь, не обладает никакими свойствами. Важность серьезного анализа такой экстравагантной метафизики объясняется необходимостью решения парадоксов, которые возникают внутри реалистической метафизики здравого смысла. Альтернативные взгляды излагаются в книге столь же подробно.

В работе над переводом наибольшую сложность составляло то, что многие термины в отечественной философии либо ранее не использовались, либо не являлись сколько-нибудь устоявшимися. При переводе мы с Марией Семиколенных старались точно передать смысл текста, добиваясь при этом как можно более естественного его звучания, даже если это означало отступление от буквального перевода некоторых предложений. Перевод будет полезен в первую очередь преподавателям и студентам философских факультетов, а также всем, кто интересуется аналитической философией. «Метафизика: Современное введение» — это ключ к пониманию работ по метафизике как отечественных, так и зарубежных авторов. Чтение данной книги уже предполагает наличие некоторой философской подготовки. Всем тем, кто такую подготовку имеет и приступает к изучению именно метафизики, я рекомендую начать с данного введения, а потом уже переходить к первоисточникам.

За помощь в подготовке издания я бы хотел поблагодарить Алексея Гегинского, Александра Павлова, Марию Секацкую, Татьяну Фомину, Игоря Гаспарова, Максима Демина, Богдана Фауля, Андрея Мерцалова и Евгения Логинова. Отдельно отмечу замечательную работу переводчика Марии Семиколенных, которой я искренне признателен за тщательность и терпение. Также выражаю благодарность Майклу Лаксу и Томасу Криспу за саму книгу и за ответы на вопросы, которые возникали при подготовке перевода.

Сергей Левин

Предисловие

к российскому изданию

Радостно видеть, что четвертое издание книги «Метафизика: Современное введение» переведено на русский язык и российские философы могут с ним ознакомиться. Мы надеемся, что этот перевод будет способствовать плодотворным взаимоотношениям между тем видом аналитической метафизики, о котором идет речь в этой книге, и богатой традицией российской философской и теоретической мысли. От всей души благодарим Сергея Левина за то, что он взялся за этот проект.

Сергей Левин попросил нас в нескольких словах познакомить российских читателей с традицией аналитической метафизики, и поэтому ниже мы предлагаем вашему вниманию краткие пролегомены к аналитической метафизике с описанием ее отличительных особенностей и изложением истории.

Согласно традиционным представлениям, метафизика — это раздел философии, стремящийся ответить на вопрос, каковы основные виды существующих вещей и каковы отношения между принадлежащими к этим видам вещами — как они структурированы или организованы.

Сложнее сказать, что такое аналитическая метафизика. Многие современные философы сомневаются в том, что между так называемыми аналитическими подходами к философии (впервые описанными такими мыслителями начала XX века, как Бертран Рассел, Дж.Э. Мур и Людвиг Витгенштейн) и другими ее направлениями до сих пор существует какое-либо содержательное различие. Однако мы считаем, что в самом общем виде различие между применением аналитической методологии в метафизике и другими подходами к этой дисциплине целесообразно изложить следующим образом. Аналитические подходы к метафизике — это такие подходы, которые i) стилистически ближе к работам Бертрانا Рассела и Дж.Э. Мура, которые концентрировались на исследовании строго определенных философских проблем, уделяя при этом особое внимание логической строгости и концептуальной отчетливости, чем таких мыслителей, как Ф.Г. Брэдли, Джосайя Ройс и Дж.М.Э. Мак-Таггарт, выстраивавших масштабные спекулятивные системы, зачастую описываемые в выражениях невразумительных и туманных; применительно к которым ii) к числу образцов стиля и методологии при исследовании метафизических проблем относят *inter alia* работы Уилларда Ван Ормана Куайна, Родерика Чизолма, Сола Крипке, Дэвида Льюиса и Алвина Плантагини; и iii) в рамках которых считается, что современная логика и формальная семантика помогают добиться философской ясности при рассмотрении проблем метафизики. Приходится со-

гласиться с тем, что это не слишком четкое различие, но в том-то и соль: различие между аналитическими и иными подходами к метафизике четким не является.

Скажем теперь несколько слов об истории аналитической метафизики. Некоторые считают, что само выражение «аналитическая метафизика» является своеобразным оксюмороном, поскольку аналитическая философия — это, по сути своей, антиметафизическое направление в философии. В конце концов, не были ли ее создателями такие люди, как Рассел и Мур, отвергавшие всеобъемлющие метафизические системы Брэдли, Ройса, Мак-Таггарта и прочих мыслителей? И разве не аналитические философы совершили так называемый «лингвистический поворот»? Так, Майкл Даммит пишет:

Только Фреге наконец определил подлинный объект философии, то есть, во-первых, назвал целью философии анализ структуры мысли; во-вторых, заявил, что изучение мысли следует четко отделять от изучения психологического процесса мышления; и, наконец, указал, что единственным адекватным методом анализа мысли является анализ языка... Все философы аналитической школы принимают эти три основополагающих принципа¹.

И не является ли такое представление о философии, согласно которому основная задача философского исследования — это анализ языка, несоместимым с целями традиционной метафизики, объект которой гораздо шире, чем язык?

Да, несомненно, концепция философии, которую в приведенной выше цитате бегло набрасывает Даммит, противоречит характерным для традиционной метафизики представлениям о философии и ее попыткам изучить характер и структуру реальности. Но если под «аналитической школой» Даммит подразумевает группу философов XX и XXI веков, которых повсеместно считают образцовыми «аналитическими философами», то он ошибается в том, что вышеизложенные представления о философии разделяются всеми представителями школы аналитической философии. Как хорошо известно, на первом этапе своего развития аналитическая философия (сошлемся здесь на ранние работы Рассела, Мура и Витгенштейна) была вполне метафизической по своей методологии — ее весьма занимали вопросы структуры и характера реальности. Даже в 1930-е и 1940-е годы, когда антиметафизический подход к философии, разделяемый логическими позитивистами и последователями Витгенштейна, был на пике своего влияния среди англоязычных философов, немало мыслителей, считающихся образцовыми аналитическими философами, превосходно занимались исследо-

¹ Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 458.

ваниями в области традиционной метафизики. (Здесь можно вспомнить о таких философах, как Ч.Д. Брод, Д.К. Уильямс и К.Дж. Дюкасс.)

К началу 1950-х годов, когда была опубликована книга Куайна «С точки зрения логики», нападки последнего на эмпиризм и сформулированный им так называемый «критерий онтологических обязательств» поспособствовали возрождению среди аналитических философов интереса к проблематике традиционной метафизики. Самого Куайна интересовало, обязывают ли нас научные постулаты соглашаться с существованием множеств (наборов объектов, чье существование — нечто, превышающее существование входящих в них объектов по отдельности). Его подход к этому вопросу существенным образом повлиял на Родерика Чизолма и Дэвида Льюиса, сталкивавшихся с Куайном в Гарварде. Они исследовали, могут ли постулаты науки вместе с постулатами здравого смысла обязать нас признать существование, например, универсалий, нематериальных душ и возможных миров. Их работы периода 1960-х и 1970-х годов вернули многие вопросы традиционной метафизики в поле зрения аналитической философии. К середине 1970-х «Именованное и необходимость» Крипке наряду с другими новаторскими работами в области эссенциалистской метафизики (Льюиса, Плантинги, Дэвида Каплана и Рут Баркан Маркус, *inter alia*) сделали традиционную метафизику и ее проблематику центральной для аналитической философии.

Все это означает, что «аналитическая метафизика» — вовсе не оксюморон. Несомненно, важная и влиятельная фаза развития аналитического движения (фаза, связываемая прежде всего с именами таких философов, как А.Дж. Айер и последователи позднего Витгенштейна) носила антиметафизический характер, но такой подход не был типичным ни для инициаторов движения, ни для многих из важных его участников посткуайновского периода. Сегодня большинство тех, кто называет себя аналитическими философами, поостерегутся говорить о философии как о прежде всего анализе языка и согласятся с тем, что традиционная метафизика является вполне обоснованным философским проектом.

Как станет ясно из нашей книги, это проект, непрерывно привлекавший внимание важнейших фигур современной аналитической философии, много размышлявших над различными темами, исторически относившимися к области метафизики: существованием и природой универсалий, природой субстанций, истины, возможности и необходимости, природой времени, метафизикой частей и целого и т.д. «Аналитическая метафизика» — не оксюморон, а бурно развивающаяся исследовательская программа.

Мы надеемся, что вы сочтете наше изложение некоторых из ее основных и наиболее современных достижений полезным и интересным.

Майкл Дж. Лакс и Томас М. Крисп

Предисловие к первому изданию

У метафизики — долгая история, и в ходе этой истории воспринимали ее по-разному. В рамках различных концепций метафизика как дисциплина обретала различные методологии и даже различные предметы исследования, и любому, кто желает написать введение в метафизику, приходится делать выбор между этими концепциями. По причинам, которые я стараюсь прояснить во введении, я решил следовать очень древней, восходящей к Аристотелю традиции, видящей в метафизике попытку дать объяснение бытию как таковому. Согласно этому подходу, метафизика — самая универсальная из дисциплин, а ее цель — изучение природы и структуры всего существующего. Центральное место в этом проекте занимает описание категорий бытия. Категории — это наиболее общие или высшие виды, на которые делится все, что существует. Сторонник этой концепции метафизики должен выявить соответствующие виды, определить присущие каждому из них характеристики или категориальные свойства и указать, как эти очень общие категории соотносятся друг с другом. Однако оказывается, что специалисты по метафизике имеют разные представления о категориальной структуре реальности. Они не могут договориться, какие категории нужно выделять, и, даже условившись, какие категории следует ввести в нашу метафизическую теорию, расходятся в том, какие характеристики присущи этим разнообразным категориям и каковы иерархические отношения между ними. Эти разногласия привели к дискуссиям, составляющим самую суть занятий философией. Они и станут основной темой данной книги.

В двух первых главах речь пойдет о старейших и самых фундаментальных дискуссиях о категориях — дискуссиях о существовании и природе универсалий. Главный вопрос здесь таков: должна ли наша метафизическая теория включать в число основных категорий то, что является общим для нумерически различающихся объектов или разделяется ими? В главе 1 мы рассмотрим взгляды тех, кто отвечает на этот вопрос утвердительно (так называемых метафизических реалистов), а в главе 2 поговорим о представлениях тех, кто отстаивает отрицательный ответ (так называемых номиналистов). В главе 3 мы обратимся к исследованию природы и структуры привычных нам конкретных партикулярий повседневного мира. Вопрос опять-таки в том, образуют ли рассматриваемые объекты фундаментальную или элементарную метафизическую категорию. В главе 4 мы обсудим дебаты о существовании и природе семейства сложных сущностей, уделив основное внимание тому, что философы назвали «пропозициями». Также здесь будут рассмотрены дискуссии о том, что представляется относящимся к другим категориям, — о фактах, положении дел и событиях. За-

тем мы изучим одну из характеристик пропозиций — представление о них как о возможных, необходимых, невозможных и контингентных, а также тот факт, что они подлежат тому, что мы называем «модальностями». Эта особенность пропозиций оказалась в фокусе внимания многих современных метафизических дебатов, в центре которых — тезис о том, что понятие «возможный мир» позволяет нам пролить свет на природу модальности. В главе 5 мы обсудим различные подходы современных метафизиков к понятию «возможный мир» и то, какое место отведено этим подходам в их теориях модальности. В заключительной главе мы вернемся к пониманию привычных конкретных партикулярий повседневного мира. Здесь в центре внимания окажется временной статус привычных объектов. Обычные объекты — это вещи, сохраняющиеся во времени. Здесь встает интересный метафизический вопрос: как нам понимать это свойство обычных объектов? В главе 6 мы рассмотрим два противоположных подхода к проблеме пребывания во времени и исследуем отношение между метафизическими теориями природы времени и метафизическими теориями природы и структуры пребывающих во времени сущностей.

Рассматриваемые в данной книге темы представляют лишь часть проблематики, оказывающейся в центре внимания, когда философы предпринимают попытку выделить категории бытия. Однако это важные темы. Остается лишь надеяться, что знакомство с нашим изложением позволит читателю разобраться в том, что представляет собой метафизика, понимаемая как теория категорий.

Я хотел бы поблагодарить студентов, слушавших различные курсы по метафизике в Университете Нотр-Дам и ставших первыми читателями этой книги. Также я хочу поблагодарить Трентона Меррикса и Майкла Ри, прочитавших отдельные главы и давших мне полезные советы. Фрэнк Джексон и Джонатан Лоу, редактировавшие рукопись для издательского дома *Routledge*, спасли меня от ряда ошибок; я им глубоко благодарен. Но больше всего мне хотелось бы поблагодарить Мариана Дэвида и Дина Циммермана, давших подробнейший отзыв на первый черновик рукописи. Мне повезло, что у меня есть настолько талантливые и великодушные коллеги. И, наконец, я благодарю Маргарет Ящевич, профессионализм которой столь искусно скрыл мою компьютерную неграмотность.

Майкл Дж. Лакс

Предисловие ко второму изданию

Подготовка этого издания предусматривала небольшую переработку текста первого издания и расширение библиографии. Но самым важным изменением стало добавление новой главы, посвященной дебатам Реалистов и анти-Реалистов. В центре внимания в этой главе оказывается понятие истины. Мой подход к проблеме истины предполагает описание основных мотивов традиционных представлений об отношениях между мыслью/языком и миром. Идея, которую можно возвести к эпохе становления философии в Древней Греции, состоит в том, что существует независимый от разума мир, и наши убеждения/утверждения истинны, если соответствуют ему. В наши дни эта идея оспаривается. В новой главе я рассматриваю доводы трех современных критиков традиционных представлений — Майкла Даммита, Уилларда В.О. Куайна и Хилари У. Патнэма. Всем троим идея независимого от разума мира представляется проблематичной, и все трое склонны понимать истину не в терминах теории соответствия, а эпистемически.

Публикация этого пересмотренного издания «*Метафизики*» совпала с публикацией тем же издательским домом *Routledge* антологии *Metaphysics: Contemporary Readings* — сборника очерков по современной метафизике, который я редактировал и к которому писал предисловие. Хотя в этой антологии затрагивается более широкий круг тем, основные рассматриваемые проблемы совпадают с теми, о которых идет речь в данной книге: универсалии, индивидуация, модальность и возможные миры, время, сохранение во времени, Реализм/анти-Реализм. В посвященных этим проблемам очерках упоминается большая часть работ, обсуждаемых в данной книге. Хотя эти два тома можно использовать независимо друг от друга, вместе они естественным образом составляют сборник текстов, необходимых для преподавания общего курса метафизики.

Я хотел бы выразить благодарность тем, кто помогал мне готовить второе издание. Прежде всего я хочу поблагодарить своего коллегу Мариана Дэвида, прочитавшего первый черновик новой главы и сделавшего полезные замечания для последующей редактуры. Я также хочу поблагодарить Маргарет Ящевич и Черил Рид — за помощь в подготовке рукописи к публикации. И, наконец, я хочу поблагодарить Тони Брюса и Шивон Паттинсон, которые курировали проект переиздания в *Routledge*: благодаря им это оказалось делом не столь обременительным, как могло бы быть.

Майкл Дж. Лакс

Предисловие к третьему изданию

В это издание добавлены главы о причинно-следственных отношениях и о природе времени. В главе о причинно-следственных отношениях (глава 6) обсуждаются критика Юмом идеи необходимой связи и его анализ причинности как постоянного сочетания явлений. Затем рассматриваются более современные представления о причинности — как в работах, где подход Юма критикуется, так и в тех, где предпринимаются попытки защитить юмовское немодальное представление о причинности. В главе о времени (глава 7) обсуждается аргумент Мак-Таггарта в пользу нереальности времени и рассматривается реакция на этот аргумент сторонников так называемых А-теории и В-теории. Кроме того, в главу 2 я добавил короткий раздел, где обсуждается фикционализм в отношении абстрактных сущностей. Также рассуждения о пребывании во времени в главе 8 были пересмотрены в свете новой главы, посвященной времени.

Я хочу поблагодарить своих коллег — Майкла Ри, который помог разобраться с некоторыми проблемами, обсуждаемыми в главе 7, и Стивена Гримма, с чьей помощью я сориентировался в обширной литературе о проблеме причинности. Особую благодарность хотелось бы выразить Э.Дж. Коффману, прочитавшему две новые главы и давшему ценные советы о том, как их улучшить. Наконец, я хочу сказать спасибо Черил Рид за помощь в подготовке рукописи третьего издания.

Майкл Дж. Лакс

Предисловие к четвертому изданию

К этому изданию были добавлены две главы: одна — об отношении между общепринятыми понятиями целого и его частей (глава 9 «Конкретные партикулярии III: Части и целое»), а вторая — о проблеме метафизической неопределенности (глава 10 «Метафизическая неопределенность»). Обе главы написаны Томасом Криспом. Кроме того, были пересмотрены девять глав, вошедших в третье издание. Большую часть правок и дополнений составляют отсылки к современным дискуссиям о рассматриваемых в этих главах проблемах. Единственным существенным изменением стал последний раздел главы 3: переделке подверглись страницы, посвященные теории субстрата в отношении конкретных партикулярий, — что, мы надеемся, пошло им на пользу.

Майкл Дж. Лакс и Томас М. Крисп

Введение

Предварительный обзор

Философы расходятся во мнениях относительно природы метафизики. Аристотель и средневековые мыслители предлагают нам два разных подхода к этой дисциплине. Иногда они характеризуют ее как попытку выявить «первые причины» — в частности, Бога или Недвижимый движитель; иногда же — как очень общую науку о бытии как таковом. Однако они считали, что оба описания относятся к одной и той же дисциплине. Рационалисты XVII и XVIII веков, напротив, раздвинули границы метафизики. Они полагали, что ей следует заниматься не просто проблемой существования и природы Бога, но также проблемами различия между сознанием и телом, бессмертия души и свободы воли.

Эмпирики и Кант критиковали представления о метафизике как Аристотеля, так и рационалистов, утверждая, что те стремились выйти за пределы человеческого знания. Но даже Кант полагал, что существование метафизического знания может быть оправданным. Его задача — обозначить наиболее общие структуры, задействованные в наших размышлениях о мире. Эта кантианская концепция метафизики продолжает пользоваться популярностью у современных философов, настаивающих, что цель метафизики — охарактеризовать нашу концептуальную схему или концептуальную модель. Как правило, эти философы согласны с Кантом в том, что структура мира самого по себе нам недоступна и те, кто занимается метафизикой, должны довольствоваться описанием структуры нашего мышления о мире.

Обоснование этой кантианской концепции метафизики, однако, не особенно впечатляет; ведь если проблематичным является описание мира как он есть, то те же проблемы должны возникнуть и при попытке охарактеризовать наше мышление о мире. Но если мы согласимся, что аристотелевская или рационалистическая метафизика не была обречена изначально, придется признать, что исходя из этих двух концепций можно написать тематически весьма различающиеся сочинения по метафизике. В данной книге

мы будем отталкиваться от аристотелевского представления о метафизике как о дисциплине, исследующей бытие как таковое. Такое описание позволяет выявить наиболее общие виды или категории, под которые подпадают вещи, и проследить отношения, существующие между этими категориями.

Природа метафизики: некоторые соображения исторического характера

Нелегко сказать, что такое метафизика. Если обратиться к сочинениям о ней, то мы столкнемся с весьма различными представлениями об этой дисциплине. Иногда их авторы стремятся к описательности и сообщают нам, чем именно занимались философы, которых называли метафизиками. Иногда это нормативные представления — попытки определить, что следует делать философам, когда они занимаются метафизикой. Но независимо от того, являются ли эти представления дескриптивными или нормативными, они настолько по-разному характеризуют подходящие метафизике предмет и методы исследования, что независимому наблюдателю вполне может показаться, будто речь идет о разных дисциплинах. Разногласия по поводу природы метафизики, без сомнения, связаны с долгой историей ее существования. Философы занимаются или пытаются заниматься тем, что называют метафизикой, более двух тысяч лет. Результатом их усилий стали сочинения, посвященные самым разным предметам и использующие самые разные подходы. Но сложность определения единого предмета и единой метафизической методологии обусловлена не только долгой историей существования дисциплины. Уже в период ее возникновения ответ на вопрос, что же такое метафизика, не был однозначным.

Слово «метафизика», ставшее названием дисциплины, — заглавие одного из сочинений Аристотеля. Сам Аристотель этого названия ему не давал; так трактат назвали мыслители более позднего времени. Дисциплину, о которой в нем шла речь, Аристотель называл *первой философией*, или *теологией*, а знание, являющееся ее целью, — *мудростью*. Тем не менее дальнейшее использование заглавия «*Метафизика*» дает все основания предположить, что в сочинении Аристотеля идет речь именно о том, что мы называем метафизикой. К сожалению, Аристотель по-разному говорит о задаче, которую решает в своей книге. В некоторых случаях он сообщает, что в данном сочинении ищет знания *причин и начал*¹. Из этого следует, что метафизика принадлежит к числу самостоятельных дисциплин — это дисциплина, предмет которой отличается от предметов любых других дисциплин. Ка-

¹ *Аристотель*. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого // *Аристотель*. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. Т. 1. I.1.

кой предмет подразумевается под понятием «первые причины»? Возможно, множество разных явлений; основным, однако, выступает Бог или Недвижимый движитель. Следовательно, предметом дисциплины, которую впоследствии стали называть метафизикой, является Бог — и Аристотель нам довольно много о ней рассказывает. Он сообщает, что это теоретическая дисциплина. В отличие от различных искусств, занятых сотворением чего-либо, и практических наук (этики, экономики и политики), метафизика стремится познать истину ради нее самой. В этом отношении она похожа на математику и различные естественные науки. Предметом первой являются величины (дискретные в случае арифметики и непрерывные — в случае геометрии), а последних — природа и структура материальных или физических субстанций (как живых, так и неживых), составляющих мир природы. Предметом метафизики, напротив, является нематериальная субстанция². А взаимоотношения между дисциплиной и ее предметом наделяют метафизику необычным статусом; в отличие от других дисциплин, она не просто предполагает существование своего предмета — по сути дела, ей нужно доказать существование нематериальной субстанции и тем самым оправдать свое существование. Поэтому проект доказательства существования за пределами мира природы Недвижимого движителя — это часть самой метафизики. Но, поскольку Аристотель полагает, что самостоятельная наука существует только там, где есть особый предмет изучения, он убежден, что метафизики могут быть уверены в существовании своей дисциплины лишь в том случае, если им удастся выполнить один из пунктов исследовательской программы этой дисциплины.

Однако Аристотель не останавливается на описании метафизики как исследования первых причин. Он также сообщает нам, что это наука, изучающая *бытие* как таковое³. По мере того, как это описание облекается плотью, метафизика становится не просто еще одной самостоятельной дисциплиной со своим особым предметом изучения, но, скорее, универсальной наукой, рассматривающей все сущее. В этом случае она исследует элементы, из которых слагаются предметы исследования всех прочих наук. Метафизику отличает то, как именно она исследует эти предметы; она рассматривает их с определенной точки зрения, в соответствии с которой они являются сущностями или вещами, которые существуют. Таким образом, метафизика рассматривает вещи как сущности или нечто существующее и пытается определить свойства или характерные особенности, которые они проявляют ровно потому, что являются сущностями или чем-то существующим. Следовательно, она стремится понять не только идею сущности, но

² См.: Aristotle. *Metaphysics* // *The Basic Works of Aristotle* / ed. R. McKeon. New York: Random House, 1941. E.1.

³ См.: Ibid. Г.1.

также весьма общие и применимые ко всему, что существует, идеи, наподобие единства или тождества, различия, сходства и несходства. А сутью метафизики, понимаемой как универсальная наука, является описание того, что Аристотель называет *категориями*. Это высшие или наиболее общие виды, к которым принадлежат все вещи. Задачей метафизика оказывается выявление этих высших видов, определение особенностей, характерных для каждой из категорий, и отношений, связывающих разные категории друг с другом. Занимаясь этим, метафизик, предположительно, создает для нас карту, отражающую структуру всего сущего.

Итак, перед нами две разные интерпретации аристотелевской метафизики: с одной стороны, представление о самостоятельной дисциплине, рассматривающей первые причины (в частности, Бога), а с другой — представление об универсальной или предельно общей дисциплине, задача которой — рассматривать вещи с точки зрения их бытия или существования и предоставлять нам общее описание всего бытия. На первый взгляд, эти две концепции метафизики противостоят друг другу. Сложно понять, как одна и та же дисциплина может одновременно быть самостоятельной и универсальной. Сам Аристотель отдает себе отчет в наличии этого противоречия и пытается показать, что оно лишь представляется таковым⁴. С одной стороны, он полагает, что наука о первых причинах будет выявлять причины, лежащие в основании сущностных свойств вещей — свойств, предполагающихся любыми другими свойствами, которые вещи могут проявлять. По-видимому, он готов сказать, что, поскольку вещи существуют или наличествуют в основном именно таким образом, наука, изучающая первые причины, будет просто наукой, исследующей бытие как таковое. С другой стороны, кажется, что, по его мнению, в число предметов, описанием которых занимается любая дисциплина, исследующая все существующее постольку, поскольку оно существует, входит Бог.

В средневековой аристотелевской традиции мы продолжаем встречаться с этим двойственным представлением о метафизике. Как и Аристотель, средневековые мыслители были убеждены, что два понятия о метафизике находят воплощение в рамках единой дисциплины — той, что, с одной стороны, стремится описать категориальную структуру реальности, а с другой — определить существование и природу Божественной Субстанции. Но, обратившись к метафизическим трудам континентальных рационалистов XVII и XVIII веков, мы сталкиваемся с концепцией метафизики, раздвигающей рамки метафизического проекта. Отрицая многие элементы аристотелевской метафизической теории, они соглашались с тем, что суть занятий метафизикой — выявление и изучение наиболее общих видов существующих вещей, и с тем, что при решении этой задачи важнейшую

⁴ См., в частности: *Aristotle. Metaphysics*. E.1.

роль играет отсылка к Божественной Субстанции и каузальной роли Бога. Однако то, что не рассматривалось в рамках аристотелевской метафизики, начинает рассматриваться как подходящий объект метафизического исследования. С точки зрения Аристотеля, исследование подверженных изменениям физических объектов, прослеживанием различий между живым и неживым и выявлением того, что присуще именно и только людям, следовало заниматься в контексте скорее естественных наук или физики, чем метафизики. Но рационалисты, перед которыми простирался интеллектуальный ландшафт, где аристотелевская физика была вытеснена новой — более математической и экспериментальной — физикой, полагали, что эти проблемы являются метафизическими. По их мнению, метафизиков занимали не просто существование и природа Бога, но различие между сознанием и телом, то, как они взаимодействуют в человеке, а также природа и пределы свободы воли.

Мыслителя, воспитанного в аристотелевской традиции, этот новый подход к использованию термина «метафизика» озадачил бы. Вероятно, он бы заявил, что у рационалистов то, что должно было быть единой дисциплиной с одним предметом исследования, превращается в исследование мешанины никак не связанных друг с другом тем. Очевидно, рационалисты живо откликнулись на подобные вызовы и стремились обосновать новые дисциплинарные границы, устанавливаемые ими внутри философии. В конечном счете так возникла общая карта метафизической территории⁵. Их тезис состоял в том, что у метафизики один предмет — бытие. Поэтому задача метафизиков — описать природу бытия. Но есть множество разных перспектив, исходя из которых можно составить подобное описание, и этим разным перспективам соответствуют разные подразделы метафизики. Во-первых, бытие можно исследовать просто как таковое — как бытие. Поскольку это наиболее общая позиция, с которой можно изучать бытие, соответствующий раздел метафизики получил название *общей метафизики*. Однако рационалисты настаивали, что бытие можно также рассматривать со множества частных позиций. Когда это происходит, мы занимаемся той или иной ветвью того, что рационалисты называли *специальной метафизикой*. Так, можно размышлять о бытии как о том, что обнаруживается в подверженных изменениям вещах, — то есть с точки зрения его изменчивости. В этом случае мы занимаемся *космологией*. Также можно рассуждать о бытии как о том, что обнаруживается в разумных существах — например, нас самих. Исследовать бытие в этой перспективе — значит заниматься той областью специальной метафизики, которую рационалисты называли *рациональной психологией*. Наконец, можно изучать проявление бытия в

⁵ Обсуждение этой карты см. в статье о Кристиане Вольфе в кн.: *Edwards P. Encyclopedia of Philosophy*. New York: Macmillan, 1967.

Божественном — в этом случае мы занимаемся *естественной теологией*. Вполне очевидно, что понятия общей метафизики и естественной теологии у рационалистов соответствуют представлениям Аристотеля о метафизике как о совершенно универсальной науке, изучающей бытие как таковое, и как о самостоятельной дисциплине, исследующей первые причины. А вот утверждение, что космология и рациональная психология являются разделами метафизики, отражает новую, более обширную область знаний, связанную с метафизикой в системе рационалистов.

Но рационалистическая метафизика отличалась от метафизики Аристотеля не только своим предметом. Аристотель подходил к метафизике с осторожностью. Описывая категории, он старался не отступать от дофилософских представлений о мире. По его мнению, полностью реальные или первичные с точки зрения метафизики сущности являются привычными для рассудка объектами (например, конкретными лошадьми и конкретными людьми). И даже говоря о Боге или Недвижимом движителе, он хотел продемонстрировать преемственность между своей философской теорией и нашими дофилософскими убеждениями относительно причинно-следственной структуры мира. Результатом стала относительно консервативная метафизика. Метафизические теории рационалистов, напротив, были отнюдь не консервативны. В их руках метафизика превращалась в абстрактные спекулятивные системы, весьма далекие от какой бы то ни было узнаваемой картины мира, отвечающей здравому смыслу. Достаточно лишь бегло взглянуть на труды таких мыслителей, как, скажем, Спиноза или Лейбниц, чтобы оценить экстравагантность рационалистической метафизики.

В высшей степени абстрактная и спекулятивная природа рационалистической метафизики сделала ее естественной мишенью для критики эмпириков. Они настаивали, что любое притязание на знание должно быть обосновано чувственным опытом, и утверждали, что поскольку никакой опыт никогда не сможет обосновать суждения, из которых слагаются метафизические системы рационалистов, то притязания последних на обладание научным знанием о природе на самом деле являются сомнительными⁶. Более современная форма атаки встречается у Айера [Ayer, 1936]. И действительно, эмпирики часто выдвигали вполне убедительный тезис, что типичные для рационалистической метафизики суждения лишены смысла. По их мнению, все содержание наших концептуальных представлений заимствуется из содержания чувственного опыта. Поэтому они настаивали, что суждение обладает подлинным познавательным содержанием или

⁶ О классической атаке эмпириков на метафизику см. в кн.: *Hume D. Treatise of Human Nature* / L.A. Selby-Bigge (ed.) with revisions by P.H. Nidditch. Oxford: Oxford University Press, 1978.

осмысленностью лишь при условии, что используемые в нем понятия можно проанализировать или объяснить в терминах чистого чувственного содержания. Поскольку заявления метафизиков-рационалистов этому условию не отвечают, эмпирики заключали, что они представляют собой просто бессмысленные звуки.

В сочинениях Канта мы встречаемся с дальнейшей критикой метафизического проекта⁷. С точки зрения Канта, человеческое знание предполагает взаимодействие врожденных человеческим познавательным способностям понятий и неструктурированных данных чувственного опыта. Ощущения — это результат воздействия на наши субъективные способности восприятия внешнего по отношению к этим способностям мира. Они структурируются или организуются посредством врожденных понятий, и результатом этого становится объект познания. Таким образом, то, что мы называем объектом познания, не является чем-то внешним и независимым от нашего когнитивного механизма, но представляет собой результат применения врожденных концептуальных структур к субъективным состояниям наших способностей восприятия. Вызывающий эти субъективные состояния мир нам недоступен, поскольку является миром самим по себе: мы воспринимаем его только в той степени, в которой он на нас воздействует, в которой он предстает перед нами. Итак, объект познания нуждается в содержании чувственного восприятия, как у эмпириков; но нужно и нечто большее. Это содержание должно обобщаться и организовываться посредством концептуальных структур, которые возникают не из чувственного опыта. Однако Кант настаивает, что как содержание чувственного опыта создает объект познания, только если его структурируют врожденные понятия, так и врожденные концептуальные структуры приводят к появлению объекта познания, только если их применить к содержанию чувственного опыта, для которого они задают принципы унификации и организации.

Далее, с точки зрения Канта, метафизика, будь то рационалистическая или аристотелевская, представляет собой попытку узнать, что лежит за пределами чувственного опыта человека. Она ищет ответы на вопросы, ответить на которые чувственный опыт не в состоянии; это вопросы о бессмертии души, существовании Бога и свободе воли. Она сулит нам знание об этих предметах. Однако в попытке добыть такое знание метафизика обращается к концептуальным структурам, лежащим в основе менее проблематичных форм знания: например, тех, к которым отсылают при обсуждении субстанций, причинности и событий. Но поскольку соответствующие структуры производят знание лишь в том случае, если применять их к не-

⁷ См.: *Kant I. Critique of Pure Reason / N.K. Smith (trans.). London: Macmillan, 1929; особенно предисловие ко второму изданию и «Трансцендентальную диалектику».*

структурируемым данным чувственного опыта, то использование их философом при поиске ответов на вечные вопросы метафизики никогда не приводит к обретению знания, которое сулит нам метафизик. Из-за особенностей работы нашего когнитивного механизма условия, необходимые для производства знания, в случае метафизики совершенно невыполнимы. Заявления, которые хочет сделать метафизик, выходят за границы человеческого познания. Следовательно, в области метафизики подлинно научное знание совершенно невозможно.

Чтобы сделать это свойство традиционной метафизики более очевидным, Кант называет ее *трансцендентной метафизикой*. Последнюю он противопоставляет *критической метафизике*. Критическая метафизика, — говорит он нам, — является вполне достойным и хорошо обоснованным проектом. Если трансцендентная метафизика стремится описать реальность, лежащую за пределами опыта, то задачей критической метафизики является описание наиболее универсальных характеристик нашего мышления и знания. Она стремится выявить самые общие понятия, с помощью которых мы описываем мир, существующие между ними отношения и предпосылки их объективного использования. Кант полагал, что, рассказывая нам об условиях человеческого познания, он занят именно реализацией проекта критической метафизики.

Представления Канта о метафизическом проекте, задача которого состоит в выявлении и описании наиболее общих характеристик нашего мышления и опыта, и по сей день находят сторонников⁸. Эти философы говорят нам, что метафизика является дескриптивным занятием, а ее цель — описание нашей *концептуальной схемы* или *концептуальной модели*. По мнению таких философов, любая наша мысль или опыт предполагает использование единого унифицированного набора представлений. Этот набор образует что-то вроде картины, отражающей положение вещей: своего рода историю о мире и нашем месте в нем. У такой истории особая структура: она организована посредством очень общих понятий, и использование этих понятий определяется принципами (которые часто называют «структурными принципами»). Цель метафизики — очертить самые основные контуры данной структуры.

⁸ Примеры такого подхода к метафизике см. в кн.: *Collingwood R.G. An Essay on Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 1940; *Rescher N. Conceptual Idealism*. Oxford: Blackwell, 1973; *Körner S. Categorical Frameworks*. Oxford: Blackwell, 1974; *Putnam H. Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Putnam H. The Many Faces of Realism*. LaSalle, IL: Open Court, 1987. Утверждение, что предметом метафизики является описание нашей концептуальной схемы, отстаивается во введении к кн.: *Strawson P.F. Individuals*. London: Methuen, 1959; хотя по стилю эта работа и является неокантианской, то, что Стронсон делает в «Индивидах» (*Individuals*), в значительной степени воплощает аристотелевский подход к дисциплине.

Не все философы, разделяющие эту идею концептуальной схемы или концептуальной модели, имеют единое мнение о статусе нашей картины мира. Хотя они и не соглашаются с подробностями описания человеческого познания, данного Кантом, некоторые сторонники идеи концептуальной схемы не спорят с его представлением о существовании единой неизменной структуры, лежащей в основе всего, что можно назвать человеческим познанием или опытом. Другие подчеркивают динамическую и историческую природу человеческого мышления и говорят об альтернативных концептуальных моделях. Они рассуждают о великих концептуальных переворотах (например, о научной революции, в ходе которой ньютоновская механика была замещена теорией относительности) как о моментах, когда люди отказывались от одной концептуальной схемы ради другой, новой картины мира. В глазах первых у метафизики есть один неизменный предмет — уникальный, исключительно человеческий способ представления мира. Для вторых ее задача — сопоставление: метафизика стремится продемонстрировать различные формы, задействованные в альтернативных схемах, к которым мы на протяжении всей истории прибегали в попытках построить картину мира.

Принадлежащие к обеим группам философы решительно выступают против тех, кто защищает более традиционные, докантианские представления о метафизике. Философы, принимающие идею концептуальной схемы всерьез, считают, что метафизика занята изучением того способа (или способов), которым мы представляем себе мир. Сводят ли они предмет метафизики к тому, о чем говорил Аристотель, или вслед за рационалистами раздвигают ее границы, вводя такие темы, как проблема «сознание — тело», бессмертие души и свобода воли, — философы, придерживающиеся докантианских представлений о метафизике, считают, что ее задачей является описание природы и структуры самого мира. Однако исследование структуры человеческого мышления существенным образом отличается от исследования структуры мира, о котором мы размышляем. Разумеется, если мы убеждены, что структура нашего мышления в точности отражает структуру мира, то можно сказать, что оба исследовательских проекта приведут к одному и тому же результату. Но философы, склонные к рассуждениям о концептуальных схемах, обычно так не считают. Они заявляют, что предметом метафизики является структура концептуальной схемы или схем именно потому, что, подобно Канту, они полагают, что мир как он есть для нас недоступен.

Почему они так думают? Потому что согласны с Кантом в том, что наши мысли о мире всегда опосредованы концептуальными структурами, посредством которых мы представляем себе мир. По их мнению, чтобы размышлять о чем-либо внешнем по отношению к собственным когнитивным способностям, я должен применить понятия, отражающие вещь

как существующую тем или иным способом, принадлежащую к тому или иному виду или так или иначе охарактеризованную. Но тогда я схватываю не объект как он есть, существующий независимо от моей мысли о нем, а объект, мною концептуализированный или представляемый. Таким образом, объект моей мысли — это то, что (по крайней мере отчасти) является производением концептуального или репрезентативного механизма, используемого мною в процессе мышления. Предо мною не вещь сама по себе, а вещь-в-истории, которую я о ней рассказываю, или вещь-на-картине, которую я рисую.

Однако некоторые из тех, кто прибегает к идее концептуальной модели (мы можем назвать их сторонниками теории концептуальных схем), идут еще дальше и объявляют логически противоречивой саму идею объекта, существующего отдельно и независимо от концептуальной схемы, с помощью которой мы формируем свои представления⁹. Для сторонников этой радикальной позиции существует лишь концептуальная модель или модели. Нет ничего, кроме рассказываемых нами историй и рисуемых нами картин. То, что мы называем существованием объектов, является всего лишь чем-то, фигурирующим в истории; а то, что мы называем истиной, в которой убеждены, — всего лишь различные элементы истории, сложенные вместе или согласующиеся друг с другом.

Такая более радикальная версия теории концептуальных схем является разновидностью того, что получило имя *идеализма*. Это позиция, которую очень сложно последовательно сформулировать. Если мы считаем, что не существует ничего, кроме сочиняемых людьми историй, то что сказать о людях, которые, предположительно, их сочиняют? Если они на самом деле существуют и сочиняют, то в мире существует что-то помимо сочиняемых ими историй, и в этом случае «существовать» означает нечто большее, чем быть героем истории. Если, с другой стороны, мы, люди, являемся всего лишь героями историй, то существуют ли на самом деле рассказываемые истории или это просто еще одна история о сочинении всех этих историй? И не является ли сама эта новая история (история о том, как рассказываются первоначальные истории) всего лишь еще одной историей?

Как я сказал, не все сторонники теории концептуальных схем разделяют радикальную позицию, о которой только что шла речь. Но даже те из них, кто допускает, что идея предмета, существующего независимо от концептуальной схемы, является логически непротиворечивой, не соглашались с тем, что какие-либо подобные предметы, которые могут на самом деле существовать, способны стать объектами метафизического исследования. Они будут настаивать, что все подобные предметы постигаются лишь

⁹ См., например: *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ: Princeton University, 1979.

посредством концептуальных структур, используемых в наших о них представлениях. Эти структуры образуют своего рода экран, закрывающий нам доступ к вещам как они есть. Следовательно, даже умеренный сторонник теории концептуальных схем станет отрицать возможность того, что хочет осуществить метафизик-традиционалист, — обретения знания о подлинной структуре реальности. Он скажет, что если бы существовал проект, отличающийся той универсальностью, систематичностью и логической непротиворечивостью, которой философы желают наделить метафизику, то этот проект свелся бы лишь к описанию наиболее общих структур нашей концептуальной схемы или схем.

Как отреагировали бы метафизики-традиционалисты на эти неокантианские представления? Вероятнее всего, они сказали бы, что если сторонник теории концептуальных схем прав, отрицая, что мир как он есть может быть объектом серьезного философского исследования, то он ошибается в том, что таким объектом может быть концептуальная схема. Главной посылкой аргумента сторонников теории концептуальных схем против традиционной метафизики является утверждение, что применение концептуальных структур при репрезентации вещей мешает нам по-настоящему получить к этим вещам доступ. Но в ответ приверженцы традиционной метафизики укажут, что при описании того, что сторонники данной теории называют концептуальной структурой, нам приходится прибегать к понятиям, и отсюда заключат, что если придерживаться принципов, исповедуемых ими самими, то это означает, что такая вещь, как описание природы и структуры концептуальной схемы, невозможна. Поэтому метафизики-традиционалисты будут утверждать, что если их представления о метафизике проблематичны, тогда то же самое можно сказать и о представлениях сторонников теории концептуальных схем. Однако метафизики-традиционалисты будут настаивать, что отсюда возможен и более глубокий вывод, а именно, что в изложенной выше теории о концептуальных представлениях есть нечто саморазрушительное. Если сторонники теории концептуальных схем правы, заявляя, что действие концептуальных представлений мешает нам постичь то, что мы стремимся себе представить, то с чего бы нам принимать всерьез их суждения о концептуальном представлении? В конце концов, эти суждения — просто новые концептуальные представления. Но это значит, что вместо того, чтобы прояснить природу действия концептуальных представлений, суждения будут мешать нам понять то, о чем они, предположительно, сообщают, — а именно, действие концептуальных представлений.

Метафизики-традиционалисты продолжают, говоря, что нам удается думать и рассуждать о вещах — о вещах как они есть, а не просто о вещах, какими они предстают в рассказываемых нами историях. Они будут настаивать, что сама идея размышления о вещах или ссылки на них предполагают

существование связей между нашими мыслями и словами и независимыми от разума и языка вещами, о которых мы думаем и говорим. И они будут настаивать, что вместо того, чтобы мешать нам получить доступ к вещам, понятия, используемые нами при мышлении, являются инструментами, позволяющими схватывать вещи, к которым они применяются. Это не экраны или барьеры между нами и вещами, а, напротив, пути, приводящие нас к вещам, позволяющие получить к ним доступ. Метафизики-традиционалисты будут также утверждать, что нет причин думать, будто с понятиями, к которым они прибегают в попытках описать для нас то, что существует, и его общую структуру, дело обстоит иначе. Они признают, что метафизики могут ошибаться и высказывать ложные суждения, но продолжают настаивать, что в данном случае риск вынесения ложного суждения не серьезнее, чем в случае любой другой дисциплины, в рамках которой мы пытаемся описать устройство мира. Дать истинное описание природы реальности может быть сложно — но отсюда не следует, будто это невозможно.

Защитники кантианской концепции метафизики будут настаивать, что поднимающиеся в этих дебатах проблемы сложнее и труднее, чем полагают метафизики-традиционалисты. И хотя мы симпатизируем метафизикам-традиционалистам, следует признать, что этот спор о приличествующей метафизике методологии упирается в гораздо более фундаментальную проблему взаимоотношений между мыслью и миром. Эта проблема затрагивает любое описание бытия и является метафизической по любым критериям. Однако она настолько важна, что не может быть разрешена во вводных разделах сочинения о метафизике. Описание взаимоотношений нашего мышления или языка с миром требует особого, обстоятельного рассмотрения; этому будет посвящена заключительная глава данной книги. Там мы подробно рассмотрим вызов, который философы-кантианцы (анти-Реалисты, как их часто называют) бросают традиционным представлениям об отношениях между мыслью и миром. Однако сейчас нам нужна концепция метафизики, которой можно бы было руководствоваться. Наша стратегия будет заключаться в том, чтобы, в качестве эксперимента, принять традиционный, докантовский подход.

Метафизика как категориальная теория

Итак, нашей целью будет описать природу реальности и показать, каковы вещи как они есть. Как мы видели, в зависимости от традиции у такого проекта могут быть разные предметы исследования. В аристотелевской традиции есть идея науки о первых причинах и идея науки, изучающей бытие как таковое. Даже если существует единая наука, соответствующая этим

двум идеям, сами идеи кажутся разными — по крайней мере, на первый взгляд. Идея общей науки, изучающей существующие вещи с точки зрения их существования, соответствует тому, что рационалисты называли общей метафизикой. А главная задача, подразумеваемая идеей науки о первых причинах, соответствует той, что связана с тем подразделом специальной метафизики, который рационалисты называли естественной теологией. Кроме того, у нас есть еще два подраздела специальной метафизики: космология, описывающая изменчивый материальный мир, и рациональная психология, которая, помимо прочего, занимается проблемой «сознание — тело» и, по всей вероятности, проблемой свободы воли.

Многие вводные сочинения по метафизике придерживаются рационалистического подхода к метафизике. Действительно, в фокусе их внимания оказываются темы, которыми, по мнению рационалистов, занималась специальная метафизика. Таким образом, на авансцену выходят вопросы о существовании и природе Бога, о природе человека, проблеме «сознание — тело» и о свободе воли. Это вполне обоснованная стратегия. С XVII века все эти проблемы именовались метафизическими. Однако не менее обоснованной является и другая стратегия составления пропедевтических текстов о метафизике. В первом приближении она ограничивает круг обсуждаемых тем, оставляя лишь те, что отвечают условиям аристотелевской науки о бытии как таковом или общей метафизики рационалистов.

Можно привести ряд соображений в пользу этого подхода к метафизике. Представления современных философов о философии не соответствуют дисциплинарным границам концепции рационалистов. Темы, находившиеся в центре внимания различных разделов того, что рационалисты называли частной метафизикой, обсуждаются ныне в рамках разделов философии, касающихся не только и не столько метафизики. Например, для естественной теологии такой темой были существование и природа Бога; сегодня эти проблемы обычно рассматриваются в рамках дисциплины, которую мы называем философией религии, — подраздела философии, затрагивающего гораздо более широкий круг вопросов, чем старомодная естественная теология (эпистемологические вопросы о рациональности религиозных убеждений в целом и конкретных религиозных верований в частности, вопросы об отношениях между религией и наукой, между религией и этикой). Специалисты в области философии религии обсуждают даже вопросы, относившиеся к области, которую рационалисты называли рациональной психологией, — о выживании личности и бессмертии. Другие проблемы, изучавшиеся рациональной психологией, сегодня относятся к области, которую мы называем философией сознания. Но, хотя специалисты по философии сознания озабочены метафизическими вопросами существования и природы сознания, их также заботит и многое другое. Они ставят эпистемологические вопросы о познании наших собственных

(и чужих) состояний сознания, а также проводят много времени в попытках прояснить природу объяснения в психологии и когнитивных науках. Иногда мы обнаруживаем, что они ставят вопросы о свободе воли, но эта проблема с тем же успехом может обсуждаться в еще одном разделе философии — теории действия. Современные философы обычно используют термин «метафизика» применительно к области философии, отличающейся от всех этих разделов. Поступая таким образом, они говорят о дисциплине, не слишком сильно отличающейся от той, которую рационалисты называли общей метафизикой, а Аристотель — наукой о бытии как таковым.

Итак, стратегии построения пропедевтических текстов не отражают подходов современных философов к использованию термина «метафизика». Одно из последствий этого состоит в том, что проблемы, находящиеся в центре внимания дисциплины, называемой метафизикой, редко становятся темами пропедевтических работ, а это печально, поскольку они не менее фундаментальны, чем другие философские проблемы. Вот вам один довод в пользу введения в метафизику, в котором предметом изучения становится бытие как таковое; но есть и другой. В серии, в которую входит эта книга, выйдут книги по философии религии и философии сознания — в них будут обсуждаться такие темы, как существование и природа Бога и проблема «сознание — тело». Книга по метафизике должна быть преимущественно посвящена другим темам — и так оно и будет: в ней пойдет речь о проблемах, возникающих, когда мы пытаемся дать общее описание структуры всего существующего.

Но что это за проблемы? Обсуждая аристотелевскую концепцию метафизики как вполне универсальной дисциплины, я говорил, что основной целью такой дисциплины является выявление и описание категорий, под которые подпадают вещи. Не будет большой ошибкой сказать, что именно к этому стремится метафизика в ее современном понимании. Но что же значит «выявить категории, под которые подпадают вещи»? Как я отмечал ранее, Аристотель считает категории высшими или наиболее общими видами, на которые можно классифицировать вещи. Из этого следует, что метафизика берет все существующие вещи и распределяет их по самым общим видам, под которые те подпадают. С точки зрения Аристотеля, виды, под которые подпадают вещи, позволяют нам сказать, чем эти вещи являются. В таком случае могло бы показаться, что если метафизикам нужно выявить высшие виды, то им следует искать самые общие ответы на вопрос: «Что это?» Кажется, что одним из способов сделать это будет взять знакомый предмет — например, Сократа — и задать вопрос: «Что это?» Очевидный ответ — «Человек». Но, хотя он и выявляет вид, к которому относится Сократ, на вопрос: «Что есть Сократ?» — можно дать и более общие ответы. В конце концов, Сократ является приматом, млекопитающим, позвоноч-

ным и животным. Определить категорию, к которой относится Сократ, — значит определить границу или момент завершения такого списка все более общих ответов на вопрос: «Что это?» В какой момент это происходит? Обычный ответ заключается в том, что мы определяем категорию вещи, когда находим такой ответ на вопрос: «Что это?», при котором единственный более общий ответ может быть дан лишь с помощью слов «сущность», «существо», «вещь» или «существующее», применимых ко всему сущему. Аристотель полагал, что в случае Сократа подходящий ответ — термин «субстанция», то есть он считал, что субстанция — это категория, под которую подпадают Сократ и другие живые существа.

Далее, может показаться, что, если наши метафизики желают составить список категорий, им нужно задать о других объектах те же вопросы, что выше мы задавали о Сократе. Если они выбрали объекты-образцы, учитываемые существующие между вещами различия, то в итоге получат различные новые категории. Однако в какой-то момент они обнаружат, что новых категорий больше не появляется. Повторение процедуры будет лишь возвращать их к выявленным ранее категориям. В этот момент они могут быть уверены (с учетом обычных опасений по поводу адекватности индуктивных процедур), что определили все высшие виды или категории сущего.

Это один из способов размышлять о категориях и их роли в метафизическом проекте. По сути дела, именно так многие философы решают задачу выявления категорий. К сожалению, в качестве описания происходящего в рамках метафизики этот подход не лишен недостатков. Во-первых, он превращает метафизику в весьма унылое занятие: составление таблицы категорий — это простая механическая процедура поиска наиболее общего ответа на вопрос: «Что это?» Сложно понять, как то, для чего нужно так мало фантазии, могло более двух тысяч лет занимать величайшие умы человечества. Во-вторых, из такого описания сложно понять, как в метафизике могут возникнуть какие-либо интересные разногласия или споры. С этой точки зрения, если два метафизика дают нам разные списки категорий, то это возможно лишь потому, что кто-то из них допустил грубый и очевидный промах: либо индуктивную ошибку (если философ неверно поставил вопросы о подходящем наборе объектов), либо путаницу относительно того, как работают в нашем языке классификационные термины. Однако на деле в метафизике нет ничего менее необычного, чем разногласия или полемика, а участвуют в таких спорах по большей части проникательные, разумные мыслители, которых трудно заподозрить в совершении грубых интеллектуальных ошибок.

Но существуют и более фундаментальные проблемы, связанные с таким подходом к категориям и природе метафизики. Приняв его, мы допускаем, что метафизики начинают работать, имея перед собой всю совокупность объектов, не вызывающую каких-либо сомнений, и что их задача состоит в

поиске подходящих мест для объектов этой совокупности. Однако на деле философы, спорящие о категориях, спорят и о том, какие существуют объекты. Нет априорно заданного набора объектов, по поводу которого все метафизики будут друг с другом согласны. Обычно возникающие в метафизике диспуты — это диспуты о том, как отвечать на вопрос: «Какие объекты существуют?» и составлять альтернативные списки категорий — то есть просто давать на этот вопрос разные ответы.

Простой пример позволит нам постичь природу метафизических споров. Представим себе сальто. «Сальто» — это термин, который большинство из нас умеет использовать; все мы прибегаем к нему в приблизительно сходных ситуациях и в приблизительно сходных ситуациях воздерживаемся от его использования. Мы также обращаемся к нему, чтобы выразить убеждения, которые большинство из нас разделяет, — убеждения относительно того, что такое сальто, когда оно делается, когда его выполняют хорошо и т.д. Однако можно представить себе двух философов, очень по-разному реагирующих на факты, связанные с сальто. Допустим, один из них говорит нам, что такая вещь, как сальто, существует, что сальто — это полный переворот (обычно человеческого тела) вперед или назад, при исполнении которого ступни оказываются выше головы. Он настаивает на том, что, поскольку было выполнено множество подобных переворотов, на сегодняшний день существовало множество сальто, и утверждает, что объяснить, как могут быть истинными такие заявления, как:

(1) В четверг с трех до четырех часов пополудни Джордж выполнил пять сальто,

можно лишь в случае, если мы допустим существование такой вещи, как сальто. Однако другой философ с ним не согласен. Он отрицает существование такой вещи, как сальто. Он соглашается с тем, что люди и некоторые животные соответствующим образом кувыркаются через голову, но отрицает, что это предполагает существование особого класса сущностей — сальто. Он также согласен с тем, что многие подобные (1) заявления истинны, но опять-таки отрицает, что это предполагает существование особого типа сущностей. По его мнению, истинным заявление (1) делает то, что в соответствующий временной период Джордж просто пять раз перекувыркнулся через голову.

О чем спорят наши два философа? Предметом их спора, несомненно, не является то, как мы используем понятие «сальто» в своих обычных, дофилософских разговорах о мире или о значении истинности высказываний наподобие (1). Они спорят о том, требуют ли относящиеся к делу факты обычного словоупотребления, и об истинности соответствующих дофилософских высказываний выделения сальто в «формальном» философском описании мира и его устройства. Они спорят о том, должны ли вещи наподобие сальто входить в наш «формальный» философский перечень су-

ществующих вещей. Такой «формальный» перечень обычно называют *онтологией*. Используя данный термин, мы можем сказать, что наши два философа спорят о том, следует ли включать сальто в онтологию. Этот спор является метафизическим. Однако маловероятно, что в нем станут участвовать серьезные метафизики, и дело тут не в том, что все метафизики полагают, будто наша онтология должна включать сальто (вовсе нет). Причина, по которой метафизики не стали бы спорить о статусе сальто, состоит в том, что это слишком конкретная, слишком частная тема. Однако спор между двумя философами можно с легкостью перевести на более общий уровень, и тогда он превратится в тот вид спора, который обычно ведут метафизики. Утверждая, что нам следует признать существование сальто, первый участник дискуссии делает это утверждение не из какой-то особой любви к сальто, а почти наверняка из-за философского убеждения в существовании вещей более общего типа — он верит, что наша онтология в принципе должна включать в себя события. Равным образом его противник отрицает существование такой вещи, как сальто, не потому, что питает какую-то особую к нему неприязнь, но потому, что не согласен с тем, что наш «формальный» рассказ о мире должен включать отсылки к событиям. Таким образом, дискуссия о сальто восходит к дебатам более общего характера — дебатам о категориях. Один ее участник уверен, что нам следует признать существование категории «событие», а его оппонент с этим не согласен.

Итак, спорить о категориях — значит спорить о том, какие вещи существуют, и многие из наиболее важных метафизических споров — это споры такого рода. Они часто структурированы определенным образом, хотя и разворачиваются на более общем уровне, чем дискуссия о сальто. Центральным для них является вопрос о существовании вещей очень общего типа или категории. Существуют ли свойства? Отношения? События? Субстанции? Пропозиции? Обстоятельства? Возможные миры? В каждом случае есть некоторая совокупность дофилософских фактов, предоставляющих основания для спора. Одна сторона настаивает на том, что для объяснения соответствующих философских фактов нам следует ответить на вопрос о существовании утвердительно, а другая заявляет, что с философской точки зрения введение сущностей соответствующего типа в онтологию является сомнительным, и утверждает, что объяснить дофилософские факты можно, не делая этого.

Однако споры о категориях не всегда структурированы именно так. Участники дискуссии не всегда дают противоположные ответы на вопрос: «Существует ли K ?» (где K — категория). Иногда оказывается, что они согласны в том, что сущности, относящиеся к той или иной категории, существуют; но тогда одна из сторон продолжает разговор и сообщает нам, что, хотя сущности, соответствующие этой категории, на самом деле существуют, все их следует изучать посредством сущностей, принадлежащих

к какой-либо иной категории. Представим, что идет дискуссия о материальных объектах. Хотя обе стороны согласны, что материальные объекты существуют, один из участников говорит, что их следует изучать как совокупности сенсорных качеств. В этом случае другой, вероятно, ответит: «Послушай, ты же на самом деле не веришь в существование материальных объектов. Ты просто так говоришь. По твоему мнению, материальных объектов не существует — только сенсорные качества». Его противник, несомненно, возразит, что и в самом деле верит в существование материальных объектов: «Я не отрицаю, что материальные объекты существуют; я просто говорю тебе, что они собой представляют». Сложно сказать, как можно разрешить спор о понятии «существует». Но, как бы мы ни поступили, здесь следует признать наличие глубокого метафизического — в более широком смысле «экзистенциального» — разногласия. Сформулировать это разногласие можно, заявив, что, если один метафизик хочет включить материальные объекты в список *первичных* или *базовых* элементов своей онтологии, другой этого не желает. Первый отрицает, что материальные объекты можно рассматривать посредством каких-либо более фундаментальных сущностей (или сводить к ним). Второй же считает материальные объекты конструкциями, состоящими из более простых сущностей. Хотя, по его мнению, материальные объекты и существуют, отправившись на поиски первичных элементов его онтологии (то есть элементов его онтологии, несводимых к сущностям более фундаментального вида), мы не обнаружим материальных объектов — только сенсорные качества. Итак, в конечном счете в его онтологии материальных объектов нет: в предлагаемой им метафизической теории материальные объекты не включены в список элементарных «кирпичиков» реальности. Можно сказать, что если в онтологии одного философа материальные объекты являются *первичной* или *неделимой категорией*, то в онтологии другого они составляют *категорию производную*.

Итак, дискуссии о категориях — это дискуссии о существовании сущностей, принадлежащих к какому-либо очень общему виду или категории. Подчас участники спора имеют разные точки зрения на существование сущностей соответствующего вида; иногда они расходятся во мнениях относительно того, сводятся ли принадлежащие к определенной категории сущности к сущностям другой, более элементарной категории. Однако создать исчерпывающую метафизическую теорию — значит составить полный перечень категорий, под которые подпадают вещи, и определить, какого рода отношения существуют между этими категориями. Последняя задача требует определить, какие категории являются первичными, а какие — производными, а также указать, как именно принадлежащие к производным категориям сущности могут быть сведены к сущностям первичных категорий (или проанализированы в терминах последних). Полный такой

каталог будет представлять собой общее описание всего сущего. Аристотель считал подобное описание целью метафизического проекта. Немногие из современных метафизиков готовы предложить такого рода исчерпывающую теорию категорий. Проблемы, связанные с любой из категорий, исторически попадавших в фокус метафизических теорий, так сложны, что современные метафизики вполне довольны, если им удастся разобраться хотя бы с некоторыми из них. В этой книге мы пойдем тем же путем, не предпринимая ничего настолько амбициозного, как создание исчерпывающей системы категорий. Мы сосредоточимся на проблемах, встающих при поиске ответов лишь на некоторые из вопросов о категориях, возникающих в метафизике. Вопросы, о которых пойдет речь, очень важны и фундаментальны, а потому их обсуждение должно дать нам хорошее представление о том, что такое метафизика. Итак, давайте перейдем к рассмотрению этих вопросов — и начнем с тех, которые имеют отношение к так называемой проблеме универсалий.

Рекомендуемая литература

Литература о природе метафизики обширна. Новичку следует прежде всего обратиться к Аристотелю, в особенности к двум первым главам первой книги *«Метафизики»*, к двум первым главам четвертой, а также — к первой главе шестой книги. Затем я рекомендовал бы ознакомиться с кантовской критикой метафизики [Kant, 1787], в особенности с предисловием ко второму изданию, и с первыми разделами книги Айера [Ayer, 1936]. Чтобы познакомиться с более современными дискуссиями, следует обратиться к Кернеру [Körner, 1974], введению к книге Стросона [Strawson, 1959] и ван Инвагену [van Inwagen, 1998].

1. Проблема универсалий I

Метафизический реализм

Предварительный обзор

Спор реалистов и номиналистов вырастает из феномена сходства или совпадения атрибутов. Реалисты утверждают, что если объекты сходны или имеют одинаковый атрибут, то существует что-то, чем они совместно обладают или что является для них общим. Номиналисты с этим не согласны. Реалисты называют такие общие сущности универсалиями: по их утверждению, универсалии — это сущности, которые могут быть одновременно экzemплифицированы несколькими разными объектами. Также реалисты полагают, что в число универсалий входят свойства, которыми вещи обладают, отношения, в которые они вступают, и виды, к которым они принадлежат.

Доказывая, что нам следует признать реальность универсалий, реалисты обращаются к таким явлениям, как субъектно-предикатный дискурс и абстрактная референция. Они заявляют, что если мы не постулируем универсалии в качестве референтов предикативных выражений, то невозможно объяснить, как могут быть истинными субъектно-предикатные предложения, и утверждают, что истинность предложений, содержащих абстрактные референциальные термины, можно объяснить, лишь признав универсалии вещами, определяемыми этими терминами.

Реалисты, однако, часто расходятся во мнениях, когда речь заходит об универсальности их рассуждений о предикации и абстрактной референции. Например, некоторые реалисты отрицают, что их определение предикации применимо к предложениям, в которых используется термин «экземплификация». Другие настаивают, что оно применимо лишь к самым простым или неопределенным предикатам либо абстрактным терминам. Более того, некоторые реалисты придерживаются мнения, что универсалии соответствуют лишь предикатам, являющимся истинными в отношении существующих в действительности объектов, тогда как другие убеждены, что возможны как экzemплифицированные, так и неэкzemплифицированные свойства, виды и отношения.

Реализм и номинализм

Есть разные способы классификации объектов, о которых мы думаем и говорим. Можно разделить их по цвету, и тогда у нас будут предметы красные, желтые и синие. Можно — по форме, и тогда у нас будут предметы треугольные, круглые и квадратные. Можно — по биологическим видам, и тогда перед нами окажутся слоны, дубы и инфузории-туфельки. То, к какому роду классификации мы прибегаем в этих случаях, является существенным компонентом нашего опыта познания мира. Практически ничего нельзя помыслить или сказать, не прибегая к подобным способам систематизации: без них почти (если не вовсе) невозможно получение опыта. Мало кто будет возражать против того, что некоторые из применяемых нами способов классификации объектов отражают наши интересы, цели и ценности, и лишь немногие станут отрицать, что зачастую наши способы классификации определяются самими объектами¹. Дело не в том, что мы волюнтаристски решили называть одни вещи треугольными, другие — круглыми, а третьи — квадратными: они *таковы и есть*. Равным образом существование слонов, дубов и инфузорий не является следствием процесса человеческого мышления или применения языка. Они возникли сами по себе, и наши язык и мышление отражают эти уже имеющиеся факты.

Итак, между вещами есть объективно существующие сходства. Еще до классификации знакомые нам из повседневного опыта предметы обладают одинаковыми характеристиками, признаками или атрибутами. Это не тезис, сформулированный в рамках какой-либо метафизической теории, а, напротив, дофилософский трюизм; однако он ложится в основу важных философских размышлений. В самом деле, вопрос, восходящий к истокам метафизики, таков: существует ли какое-либо универсальное объяснение того дофилософского трюизма, что вещи обладают сходными атрибутами? Предположим, у некоторого набора вещей есть сходный атрибут — скажем, все они желтые. Существует ли факт, более основополагающий или фундаментальный, чем этот? Такой фундаментальный факт, одна только истинность которого в отношении упомянутых объектов делает их все желтыми? И если он существует, можно ли делать из этого примера какие-то общие выводы? То есть возможны ли такие очень общие тип или форма факта, чтобы любое совпадение атрибутов имело место потому, и только потому, что существует некоторый факт соответствующего очень общего типа или формы?

Утвердительный ответ на этот вопрос дается в «Пармениде» Платона, где мы читаем:

¹ Исключение из этого правила составят, конечно же, сторонники теории концептуальных схем, о которых мы говорили во введении.

...ты признаешь существование неких видов, приобщаясь к которым все другое из здешнего получает их имена, например, сходного, если приобщается к сходству, великого, если приобщается к величине, и если приобщается к справедливости и красоте, то оказывается справедливым и прекрасным?²

Здесь предлагается общая схема, объясняющая совпадение атрибутов. Согласно ей, существует ряд объектов $a...n$, есть предмет φ и такое отношение R , что каждый из объектов $a...n$ имеет отношение R к φ . Именно в силу того, что объекты $a...n$ находятся в отношении R к φ , их атрибут совпадает, и все они оказываются прекрасными, справедливыми и т.д. Со времен Платона эту схему находили привлекательной многие философы³. Они не всегда пользовались тем же языком, что Платон. Там, где он говорил о вещах, приобщающихся к виду, они говорили, что вещи *воплощают, экземплифицируют* или *являются примером* одного свойства, качества либо атрибута. Тем не менее предложенная форма объяснения в точности соответствует платоновской: различные вещи категоризируются или характеризуются тем или иным способом в зависимости от того, в каком отношении к обсуждаемому качеству или характеристике все они находятся. Совпадение атрибутов определяется характеристикой или качеством, *общим* для совпадающих объектов или *разделяемым* ими.

Согласных с платоновской схемой философов традиционно называли *метафизическими реалистами* или просто *реалистами*⁴. Однако, хотя многим философам объяснение совпадения атрибутов ссылкой на разделяемые или общие сущности кажется убедительным, у предложенной Платоном формы объяснения были и критики. Этих критиков называли *номинали-*

² Платон. Парменид / пер. Ю.А. Шичалина. СПб.: РХГА, 2017. 130Е–131А.

³ Современное изложение взглядов, с которыми мы встречаемся в «Пармениде», см. в работах: *Russell B.* Problems of Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1912. Chaps IX, X; *Strawson P.F.* Individuals. London: Methuen, 1959. Chaps. V, VI; *Donagan A.* Universals and Metaphysical Realism // *Monist.* 1963 // *Loux M.J.* Universals and Particulars. 2nd edn. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1976; *Wolterstorff N.* On Universals. Chicago: University of Chicago Press, 1973; *Loux M.J.* Substance and Attribute. Dordrecht: Reidel, 1978; *Armstrong D.* Universals. Boulder, CO: Westview Press, 1989.

⁴ Термины «реализм» и «метафизический реализм» являются стандартными для таких взглядов. Но те же самые термины отсылают также ко взглядам на природу истины, на существование не зависящего от сознания соответствия миру, недвусмысленно определяющего все наши убеждения как истинные или ложные. В этом смысле Реализм противопоставляется так называемому анти-Реализму. Сторонники теории концептуальных схем, о которых мы говорили во введении, придерживаются анти-Реалистского взгляда на природу истины, тогда как защитники традиционной концепции метафизики (определяемой как попытка охарактеризовать общую структуру реальности) в этом смысле слова являются Реалистами. Но философы, являющиеся Реалистами в отношении истины, могут быть (и часто бывают) номиналистами в отношении совпадения атрибутов. См. главу 11, где подробнее объясняется разница между Реализмом и анти-Реализмом.

стами. Они утверждали, что предполагаемый платоновской схемой метафизический аппарат имеет ряд глубоких концептуальных проблем. Для одних номиналистов эти проблемы означали, что совпадение атрибутов требует совершенно иного теоретического объяснения, не отсылающего к общим или разделяемым сущностям, тогда как для других они были доказательством отсутствия потребности в каком-либо теоретическом объяснении — по их мнению, феномен совпадения атрибутов является основополагающим или фундаментальным фактом, не подлежащим дальнейшему анализу. Дискуссия реалистов и номиналистов является, пожалуй, старейшим из ведущихся с давних времен метафизических споров. Несомненно, в ней поднимались важные метафизические вопросы. Нам необходимо их прояснить, и мы начнем с попытки дать общее представление о том, что называется метафизическим реализмом.

Онтология метафизического реализма

Метафизические реалисты настаивают, что адекватное описание совпадения атрибутов предполагает проведение различия между двумя типами или категориями объектов: теми, что называются *партикуляриями*, и теми, что называются *универсалиями*. В число партикулярий включается то, что нефилософы обычно считают «вещами», — такие конкретные, привычные нам объекты, как люди, животные, растения и неодушевленные материальные тела. По мнению реалистов, партикулярии характеризуются тем, что каждая из них в определенный момент времени занимает определенное место в пространстве. Под универсалиями, напротив, понимаются сущности повторяющиеся: в любой конкретный момент времени нумерически одна и та же универсалия может быть целиком и полностью явлена, или, как обычно говорят реалисты, экземплифицирована, несколькими разными партикуляриями, занимающими различные места в пространстве. Так, разные люди могут одновременно экземплифицировать одну и ту же добродетель, разные автомобили — одну и ту же форму, а дома (в конкретный момент) — буквально один и тот же цвет. Добродетель, форма и цвет — универсалии⁵. Метафизический реалист считает, что у похожих партикулярий совпадают атрибуты в силу того, что все они экземплифицируют одну и ту же универсалию. Таким образом, существуют неповторяемые (единичные) сущности, находящиеся в особом отношении к сущностям повторяемым, и именно поэтому атрибуты привычных объектов повседневного мира могут совпадать.

⁵ Не все философы считают определение универсалий настолько простым. См., например: *Macbride F. The Particular-Universal Distinction: A Dogma of Metaphysics? // Mind. 2005.*

Реалисты обычно утверждают, что существует более одного вида универсалий. Все упомянутые нами случаи совпадения атрибутов касаются универсалий, которые называются *одночленными*, или монадическими. Это универсалии, которые партикулярии экземплифицируют по отдельности или одна за другой. Но существуют также отношения — универсалии, экземплифицируемые несколькими индивидуальными объектами, вступающими в отношения друг с другом. Так, универсалия «*находиться на расстоянии мили друг от друга*» экземплифицируется двумя вещами, которые разделяет миля; и это универсалия, поскольку есть множество пар объектов, которые в данный момент может разделять одна миля. Равным образом «*находиться бок о бок*» — пространственное отношение между объектами, при котором один из них расположен бок о бок с другим, и это опять-таки универсалия: существует множество пар объектов, которые можно описать таким образом. Оба эти отношения принадлежат к так называемым *симметричным* отношениям: в любой паре объектов a и b , в которой a определенным образом относится к b , b в свою очередь, таким же образом относится к a . Однако не все отношения симметричны. Во многих случаях пара объектов может вступить в отношения лишь в определенном порядке. Например, быть чьим-то отцом — отношение *асимметричное*: если один объект (a) является отцом другого объекта (b), то b — не отец a . Как говорят логики, упорядоченная пара $\langle a, b \rangle$ (где a и b взяты именно в *этом* порядке) проявляет это отношение. Три рассмотренных нами отношения являются диадическими, или двучленными, но очевидно, что возможны отношения триадические, тетрадические и т.д.

Итак, отношения — это полиадические, или *многочленные*, универсалии. Но цвета, добродетели и формы одночленны. Каждая из этих универсалий экземплифицируется объектами в индивидуальном порядке. Конечно, многие реалисты относят все одночленные универсалии к разделу «свойства», но некоторые из них (обычно те, что находятся под влиянием аристотелевской традиции) настаивают на существовании подразделов: нам предлагают различать свойства и виды. Виды подобны различным биологическим видам и родам⁶. Если объекты экземплифицируют свойства, *обладая* ими, вещи экземплифицируют виды потому, что к ним *принадлежат*. Проводящие это различие философы часто сообщают нам, что в то время как виды конституируют партикулярии, экземплифицирующие их как то, *чем* они являются, свойства просто преобразуют или характеризуют партикулярии, отмеченные ими; такие философы часто называют виды *инди-*

⁶ В число других примеров видов входят различные онтологические категории — это просто виды наиболее высокого порядка или наиболее общие. Очевидно, что философ, отрицающий существование видов, должен будет отыскать какой-то метафизически нейтральный способ описания того, чем он занят, когда занимается метафизикой или пытается выявить категории бытия.

видуализирующими универсалиями. Это означает, что представители видов являются индивидами, отличающимися как от индивидов, принадлежащих к тому же виду, так и от индивидов, принадлежащих к другим видам. Таким образом, всякий, кто принадлежит к виду *человек*, обозначается как особый индивид — отдельный человек, отличающийся как от других людей, так и от вещей, принадлежащих к другим видам.

Таким образом, совпадение атрибутов может быть связано со множеством разного типа универсалий. Несколько партикулярий могут совпадать за счет принадлежности к одному и тому же виду или потому, что обладают одним и тем же свойством; а несколько двух-, трех- или, в целом, *n*-значных групп партикулярий могут совпадать потому, что вступают в одно и то же отношение. Также реалисты полагают, что в любом подобном совпадении атрибутов возможны градации. Собака и кот принадлежат к одному виду — они млекопитающие; но это совпадение принадлежности к виду не такое полное, как в случае с двумя собаками. По мнению реалиста, различия в степени совпадения возникают из-за различий в степени обобщенности универсалий, которые экзemplифицируют партикулярии. Чем конкретнее или определеннее общая универсалия, тем полнее следующее из нее совпадение атрибутов. Итак, универсалии вступают в иерархические отношения в зависимости от степени их обобщенности. Можно предположить, что любая подобная иерархия завершается полностью определенными универсалиями, для которых уже не существует универсалий менее общих или более определенных, и партикулярии, совместно экзemplифицирующие любую такую полностью определенную универсалию, будут в точности совпадать по цвету, форме, виду, пространственному соотношению или чему-либо еще.

Итак, партикулярии экзemplифицируют различные типы универсалий, отличающихся друг от друга степенью обобщенности. Но реалисты полагают, что универсалии, к которым обращаются, чтобы объяснить совпадение атрибутов у партикулярий, могут, в свою очередь, совпадать, экзemplифицируя универсалии более высокого порядка. Так, например, у свойств «красное», «желтое» и «синее» есть разнообразные свойства тона и насыщенности; все они относятся к виду *цвет* и вступают в такие отношения, как «*быть светлее*» или «*быть темнее*». И, разумеется, экзemplифицируемые цветами универсалии могут быть более или менее определенными — так можно объяснить, например, почему красный ближе к оранжевому, чем синий.

Таким образом, первоначальное предположение, что атрибуты у родственных партикулярий совпадают потому, что те экзemplифицируют одну и ту же универсалию, приводит к построению весьма сложной системы. Партикулярии и группы, состоящие из *n* партикулярий, экзemplифицируют универсалии разных типов: свойства, виды и отношения. В свою очередь, эти универсалии обладают другими свойствами, принадлежат к другим видам и вступают в другие отношения. То же верно и для этих новых

свойств, видов и отношений — и т.д., быть может, до бесконечности. А выстраиваемые таким образом кажущиеся бесконечными ряды универсалий включены в сложные иерархии в зависимости от степени их обобщенности — так возникают сложные системы совпадения атрибутов различной степени универсальности. Таким образом, то, что начиналось с, казалось бы, невинной экстраполяции продиктованных здравым смыслом суждений, выросло во всеобъемлющую метафизическую теорию, онтологию, которая оказалась весьма далека от здравого смысла.

Кому-то сложность этой теории может прийтись не по вкусу, но реалисты настаивают, что сложность структуры является ее преимуществом. Система представляет собой продуктивную теорию, позволяющую объяснять самые разнообразные явления. Хотя реалисты утверждают, что их убеждения позволяют найти объяснение для множества различных явлений, мы поговорим лишь о двух. Оба касаются вопросов семантики, и оба сыграли важную роль в истории метафизического реализма. Первое — это *проблема субъекта и предиката*; второе — *абстрактная референция*. По мнению реалистов, оба явления позволяют поставить важные философские вопросы, на которые, как они полагают, теоретический аппарат метафизического реализма позволяет дать прямой и убедительный ответ.

Реализм и предикация

Субъектно-предикатное предложение — элементарная форма высказывания. Примерами таких высказываний являются следующие предложения:

- (1) Сократ отважен.
- (2) Платон — человек.
- (3) Сократ — учитель Платона.

Произнося подобные предложения, мы выбираем партикулярию (или ссылаемся на нее), а затем нечто о ней говорим, тем или иным образом характеризую ее или описывая, указывая, к какому виду она относится, или с чем-то ее связывая. Например, произнося предложение (1), мы отсылаем к Сократу и говорим о нем, что он отважен. Такая интерпретация (1) подразумевает, что в предложении (1) референтную роль играет (или указывает на объект) лишь субъект «Сократ». Но метафизические реалисты настаивают на том, что такая интерпретация недостаточна. По их словам, любой добросовестный анализ предложения (1) покажет, что предикат «отважен» также обладает референтным значением⁷.

⁷ Очень ясное изложение мнения о том, что субъектно-предикатные высказывания предполагают существование универсалий, см. в работе: *Donagan A. Universals and Metaphy-*

Предположим, что предложение (1) истинно. Совершенно очевидно, что его истинность определяется двумя факторами: во-первых, значением предложения (1), а во-вторых, тем, как устроен мир. И то и другое обусловлено структурой: значение предложения (1) зависит от составных частей предложения и их взаимного расположения. С другой стороны, устройство мира обусловлено неязыковой структурой и зависит от того, какие предметы находятся в определенной части мира и как они соотносятся друг с другом. Таким образом, истинность предложения (1) зависит как от языковой, так и от неязыковой структуры, и реалисты полагают, что предложение (1) истинно вследствие соответствия между двумя этими структурами. Предложение (1) истинно потому, что языковая структура (1) соответствует неязыковой структуре определенной части мира или отражает ее⁸. Вполне понятно, что, чтобы добиться требуемого соответствия, мы должны располагать предметом, отвечающим имени собственному «Сократ». Но реалисты утверждают, что предложение (1) может быть истинным лишь при условии, что понятие «отважный» также соотносится с каким-то неязыковым объектом. Как видно из предложения (1), понятие «отважный» играет не чисто формальную роль наподобие той, что приписывается словам, не вступающим в какие-либо отношения с существующими в мире объектами (например, союзам «или», «если» или определенному и неопределенному артиклям в английском языке). Поэтому для того, чтобы предложение (1) было истинным, у его субъекта и предиката должны быть референты, соотносящиеся между собою таким образом, чтобы сказанное в предложении (1) было истинным. Но тогда — как это происходит в предложении (1) — понятие «отважный» соответствует такой сущности, что референт «Сократ», в силу своего к ней отношения, является — как сказано в предложении (1) — отважным.

Однако метафизические реалисты сразу же отметят, что «отважный» — это общее понятие: его можно использовать применительно не только к Сократу, но и другим индивидам, а потому оно может выступать в качестве предиката не только в предложении (1), но и в других субъектно-предикатных предложениях. Например, допустим, что истинно не только предложение (1), но и предложение

(4) Платон отважен.

Здесь также применим аргумент, использованный в случае предложения (1). В предложении (4) понятие «отважный» играет не менее значимую

sical Realism. P. 126–133. Как и здесь, в [Loux, 1976a] при упоминании данной статьи ссылки даются на этот сборник.

⁸ Более подробно о соответствии и истине см. в разделе «Номиналистский подход к пропозициям» главы 4, а также в главе 11.

референтную роль, чем в предложении (1). Но каково отношение между референтами этих двух случаев использования понятия «отважный»? Вполне очевидно, что, применяя в предложении (4) предикат «отважный» к Платону, мы говорим о нем ровно то же самое, что и о Сократе, применяя предикат «отважный» к последнему в предложении (1). И, по мнению реалиста, из этого следует, что, каким бы референтным значением ни обладало понятие «отважный» в предложениях (1) и (4), в обоих случаях оно одинаково. Это позволяет реалисту сделать вывод, что в предложениях (1) и (4) понятие «отважный» отсылает к одной и той же сущности — той самой, в силу причастности к которой и Сократ, и Платон считаются отважными.

Разумеется, те же аргументы применимы в случае других субъектно-предикатных предложений, где в роли предиката выступает понятие «отважный». В любом таком предложении понятие «отважный» обладает референтным значением или относится к какому-либо объекту. Если во всех этих предложениях понятие используется в одном и том же смысле, то во всех них оно обладает одним и тем же референтным значением. В любом подобном предложении оно относится или отсылает к одной сущности — такой, что, в силу отношений между нею и референтом субъекта предложения, последнее оказывается истинным. Но какой метафизический механизм необходим, чтобы можно было таким образом описать условия истинности предложений (1), (4) и им подобных? Реалисты уверяют, что лежащая в основе их теории онтологическая схема делает такое описание возможным. Если существуют повторяемые сущности или универсалии и отношение экземплификации, связывающее их с партикуляриями, то наше описание условий истинности таких предложений, как (1) и (4), не вызывает нареканий. Предложения (1) и (4) истинны, поскольку референтом понятия «отважный» является определенная универсалия — добродетель отваги — и поскольку и Платон, и Сократ эту универсалию экземплифицируют.

Конечно же, реалисты хотят расширить область применимости сказанного нами о предложениях (1) и (4), с тем чтобы дать общее теоретическое описание субъектно-предикатного дискурса. Предикаты отсылают к универсалиям. Истинным субъектно-предикатное предложение делает именно то, что референт его субъекта экземплифицирует универсалию, являющуюся референтом его предиката. Как правило, реалисты заявляют, что существуют различные виды универсалий, которые могут быть референтами предикатов. Референтами предикатов субъектно-предикатных предложений наподобие (1), где мы характеризуем объект или говорим, каков он, являются свойства. Существуют также такие субъектно-предикатные предложения, как

(2) Платон — человек.

Они позволяют нам сказать, чем является тот или иной предмет или к какому виду он принадлежит. Референтами их предикатов являются виды. Наконец, есть такие субъектно-предикатные предложения, как

(3) Сократ — учитель Платона.

Они позволяют нам сказать, как различные объекты относятся друг к другу; референты их предикатов — это отношения.

Но, чтобы этот анализ был исчерпывающим, нам следует сказать о том виде референтного отношения, которое связывает предикаты со свойствами, видами и отношениями. Ярким примером референтного отношения является для нас отношение, связывающее имя и его носителя: имя Сократ и человека, которого так зовут. Некоторые реалисты полагают, что именно такое отношение связывает предикаты с универсалиями⁹. Обычно они приводят в пример такие предложения, как

(5) Это является красным,

где мы определяем цвет некой партикулярии. Нам говорят, что в предложении (5) есть два имени, связанных друг с другом глаголом-связкой «является»: словом «это» именуется конкретная партикулярия, словом «красный» — конкретная универсалия, а глагол-связка выражает отношение экземплификации между партикулярией, именуемой «это», и универсалией, именуемой «красный». В таком изложении идея, что субъектно-предикатная истина предполагает наличие соответствия между языковой и неязыковой структурами, описана очень ясно, ибо здесь наблюдается взаимно-однозначное соответствие между языковыми оборотами, из которых состоит предложение (5), и неязыковыми предметами, которые должны делать это предложение истинным. Но если в случае таких предложений, как (5), предположение, будто предикаты отсылают к универсалиям, может показаться многообещающим, то в случае других субъектно-предикатных предложений оказывается, что подобный анализ не вполне применим. Обратимся снова к предложению

(1) Сократ отважен.

Вряд ли можно утверждать, что его предикат является именем. Там, где понятие является именем сущности, оно может играть роль субъекта в субъектно-предикатном предложении — в этом случае оно отсылает к предмету, чьим именем является. Однако понятие «отважный» этой про-

⁹ Таково мнение Густава Бергмана. См., например, статью «Философия Мальбранша» (*The Philosophy of Malebranche*) в кн.: *Bergmann G. Meaning and Existence*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1959. P. 190–191.

верки не проходит: с точки зрения грамматики оно не может занять в предложении место подлежащего. Если существует понятие, являющееся именем универсалии, которую реалист хотел бы соотнести с предикатом «отважный», то это понятие — «отвага». И, подобно тому как понятие «отважный» не может быть подлежащим, «отвага» не может стать предикатом. Эта пара понятий не является каким-то исключением. Возьмите предложения

- (6) Эта монета круглая.
- (7) Платон мудр.

И

- (8) Алкивиад изнурен.

Ни в одном из этих случаев нельзя сказать, что предикат выступает здесь в качестве имени для универсалии, к которой, предположительно, должен отсылать. В каждом из них есть иное понятие («округлость», «мудрость», «изнурение»), которое гораздо лучше подходит на роль имени соответствующей универсалии. То, что предикаты предложений (1), (6), (7) или (8) не могут быть именами универсалий, позволяет предположить, что и понятие «красный» в предложении (5) этой роли не играет, — и так оно и есть. «Красный», как и остальные обозначения цветов, — слово двусмысленное. Оно может выступать в роли существительного (например, «Красный — это цвет») — в этом случае его вполне можно считать именем соответствующего цвета. Однако оно может также выступать в роли прилагательного (например, «красный дом» или «красное лицо») и в этом случае не являться ничьим именем. В предложении (5) слово «красный» выступает в роли прилагательного, а потому является именем не в большей степени, чем слово «отважный» в предложении (1).

До сих пор наше внимание было сосредоточено на грамматических препятствиях к истолкованию предикатов как имен — однако обусловлены они семантикой. Имя — понятие уникальное: оно соотносится исключительно со своим носителем. Предикаты же, напротив, являются понятиями общими, а потому вступают в референтные отношения с каждым из объектов, к которым могут быть применены. Как говорят специалисты по семантике, они являются *истинными в отношении* этих объектов или *соответствуют* им. Но если вступление в такие отношения мешает им выступать в роли имен универсалий, то возможен ли какой-нибудь иной вид референтных отношений, в которые они, несмотря ни на что, могли бы вступать с универсалиями? Многие реалисты уверены, что такой вид есть. Они заявляют, что предикаты не только являются истинными в отношении объектов, предикатами которых могут быть, или соответствуют им,

но и *выражают* универсалии или *коннотируют* их¹⁰. Так, есть референция между понятием «отважный» и всеми отважными индивидами, и только с ними — это отношение соответствия; реалисты утверждали, что оно также выражает или коннотирует общую для всех этих индивидов универсалию (добродетель отваги). Равным образом понятие «круглый» соответствует всем круглым предметам, и только им, но реалисты говорят нам, что оно также находится в семантическом отношении выражения или коннотации с универсалией, к которой причастны все эти индивидуальные предметы, — округлой формой.

Чтобы пояснить тезис, согласно которому предикаты выражают универсалии, реалисты утверждают, что применить предикат к объекту — значит сделать нечто большее, чем просто определить объект как один из целого ряда объектов; нужно также выявить универсалию, благодаря которой объект принадлежит к этому ряду. Таким образом, говоря, что объект является треугольным, мы не просто говорим, что он принадлежит к ряду объектов, но также указываем на общее свойство всех объектов, принадлежащих к этому ряду, и утверждаем, что данный объект проявляет это свойство. По мнению реалистов, то, что субъектно-предикатные предложения наподобие наших (1)–(8) можно парафразировать так, чтобы отсылка к универсалии стала явной, доказывает, что использование предиката предполагает не просто выявление предметов, в отношении которых он является истинным. Например, предложение (1) можно парафразировать следующим образом:

(1') Сократ экземплифицирует отвагу.

А предложение (6) так:

(6') Эта монета экземплифицирует округлость.

В обоих случаях исходное субъектно-предикатное предложение заменяется предложением с единственным понятием, находящимся в отношении называния к универсалии, к которой, по мнению реалиста, отсылает предикат предложения. Таким образом, по мнению реалистов, подобные парафразы всегда возможны: любое субъектно-предикатное предложение вида «*a* есть *F*» можно преобразовать в предложение вида «*a* экземплифицирует универсалию *F*». Но если такого рода парафразы всегда возможны, то использование общего понятия *F* в качестве предиката объекта просто значит, что этот объект экземплифицирует универсалию *F*. А это означает, что, даже если предикаты не являются именами универсалий, их использование в

¹⁰ См., например: *Wolterstorff N.* On Universals. P. 85; *Strawson P.F.* Individuals. Chap. V; *Loux M.J.* Substance and Attribute. P. 30–33.

контексте субъектно-предикатного предложения способно ввести универсалии в дискурс, стать упоминанием о них или отсылкой к ним. Следовательно, здесь присутствует референтное отношение — более слабое или менее непосредственное, чем отношение названия, но «паразитирующее» на нем. Это отношение реалисты и называют выражением или коннотацией. И опять-таки реалисты, как правило, будут утверждать, что предикаты могут выражать или коннотировать различные виды универсалий. Предикаты предложений наподобие (1) выражают или коннотируют свойство: сделать утверждение (1) — значит сказать, что данный объект экземплифицирует свойство, поскольку обладает им. Напротив, предикат предложения (2) выражает вид: утверждать (2) — значит сказать, что некий объект экземплифицирует этот вид в силу принадлежности к нему. Наконец, предикат предложения (3) выражает взаимное отношение: заявить (3) — значит сказать, что конкретная пара объектов экземплифицирует это взаимное отношение, поскольку вступает в него.

Таким образом, предикаты выражают или коннотируют свойства, виды и отношения; а там, где мы имеем дело с истинным субъектно-предикатным отношением, выражаемая предикатом универсалия экземплифицируется референтом субъекта. Реалисты полагают, что такое описание позволяет нам достичь поставленной цели: оно объясняет, каким образом субъектно-предикатные предложения способны соответствовать миру, причем делает это естественным и интуитивно понятным образом. По их мнению, естественным это описание оказывается благодаря своей связи с предлагаемой реалистами интерпретацией совпадения атрибутов. Общие понятия выполняют роль предикатов, и, какой бы теории мы ни придерживались, они маркируют случаи совпадения атрибутов: у всех предметов, в отношении которых конкретное общее понятие является истинным, совпадают атрибуты — или они являются в том или ином отношении одинаковыми. Но, по мнению реалистов, все предметы, у которых совпадают атрибуты, экземплифицируют какую-то одну универсалию. Общее понятие, маркирующее конкретный случай совпадения атрибутов, выражает или коннотирует в точности ту же универсалию, что в данном случае является основанием совпадения атрибутов. Таким образом, мы получаем описание предикации, неразрывно связанное с нашим описанием совпадения атрибутов, и два этих описания сочетаются именно так, как должны бы были, если бы мы захотели дать удовлетворительное объяснение субъектно-предикатной истине. Универсалия, являющаяся референтом предиката, — это в точности та же универсалия, которую должен экземплифицировать референт субъекта, если этот референт является примером совпадения атрибутов, обозначенного этим предикатом.

Реализм и абстрактная референция

Реалисты полагают, что онтология универсалий позволяет нам объяснить нечто большее, чем предикация. По их мнению, с помощью предложенной ими метафизической теории можно дать интуитивно удовлетворительное объяснение феномену абстрактной референции¹¹. Яснее всего этот феномен проявляется в использовании того, что называется *абстрактным уникальным понятием*. Примерами абстрактных уникальных понятий являются «треугольность», «мудрость», «человечество» и «отвага». Это уникальные понятия, которые могут выступать в роли субъекта. Кроме того, они обычно образуют пары с понятиями, которые могут выступать в роли предиката, — общими понятиями: «треугольность»/«треугольный», «мудрость»/«мудрый», «человечество»/«человек», «отвага»/«отважный» и «красный» (в значении существительного) / «красный» (в значении прилагательного). Интуитивно кажется, что составляющие каждую из этих пар понятия вступают друг с другом в весьма примечательные отношения: складывается впечатление, что абстрактное уникальное понятие является выражением, истинным в отношении всех объектов, экземплифицирующих данное свойство или вид (или соответствующим им). Реалисты утверждают, что это интуитивное объяснение верно, и заявляют, что если мы не считаем абстрактные уникальные понятия механизмом, позволяющим отсылать к универсалиям, то невозможно удовлетворительным образом описать предложения, в которых они появляются. Приведем несколько примеров таких предложений:

- (9) Отвага — нравственная добродетель.
- (10) Треугольность — это форма.
- (11) Хилари предпочитает красный синему.
- (12) Человечество — это вид.
- (13) Мудрость — цель жизни философа.

Сюда же относятся предложения, на которые мы ссылались при обсуждении референтного значения предикатов:

- (1') Сократ экземплифицирует отвагу.
- (6') Эта монета экземплифицирует округлость.

Реалисты указывают, что обычно такие предложения являются истинными, и утверждают, что лишь метафизический реалист способен объяснить, как именно им удается быть истинными. По мнению реалистов, если мы

¹¹ Более подробно об абстрактной референции и ее онтологических основаниях см. в кн.: Loux M.J. Substance and Attribute. Chap. IV.

хотим сообщить, что говорится в этих предложениях, нам следует помнить, что в том виде, в котором абстрактные уникальные понятия в них появляются, они функционируют в точном соответствии с нашими интуитивными представлениями. Такие понятия исполняют самую однозначную референтную роль — функционируют в качестве имен универсалий. Но если они исполняют подобную роль, то предложения, в которых они появляются, могут быть истинными, лишь когда именуемые универсалии действительно существуют. Поэтому лишь философ, придерживающийся онтологии, постулирующей существование универсалий, может объяснить истинность предложений, в которых есть абстрактные уникальные понятия.

Возьмем предложение (9), в котором называется определенное свойство (экземплифицируемое всеми отважными индивидами — и только ими) и говорится, к какому виду оно принадлежит: оно является нравственной добродетелью. Таким образом, предложение (9) — это утверждение об определенном свойстве, которое (как нам интуитивно ясно) названо в честь абстрактного уникального понятия «отвага». Это утверждение может быть истинным, только если само свойство существует, — ведь заявление, что отвага принадлежит к определенному виду, несомненно, не могло бы быть истинным, если бы не было такой вещи, как отвага. Равным образом в предложении (10) называется свойство, экземплифицируемое всеми треугольными объектами, и только ими, и говорится, что это свойство — форма. Итак, предложение (10) является утверждением об определенном свойстве — свойстве, которое мы интуитивно считаем референтом абстрактного уникального понятия «треугольность». Истинность предложения (10) предполагает существование такого референта. В конце концов, вряд ли может быть истинным утверждение, что треугольность принадлежит к определенному виду, если треугольности не существует. То же самое можно сказать о предложениях (11)–(13), (1') и (6'). В каждом из этих случаев перед нами абстрактное уникальное понятие, и рассматриваемое предложение может передать сказанное в нем только потому, что соответствующее абстрактное понятие функционирует именно так, как мы интуитивно ожидаем, — исполняет референтную роль, именуя универсалию. Следовательно, каждое из этих предложений может быть истинным лишь при условии существования универсалии, именуемой соответствующим абстрактным понятием. И, разумеется, есть множество других предложений; как и в приведенных нами примерах, их истинность предполагает существование универсалий, которые, как мы интуитивно предполагаем, являются референтами задействованных в них абстрактных понятий. Очевидно, что многие из этих предложений являются истинными, и лишь метафизический реалист — философ, убежденный в существовании универсалий, — может объяснить нам, как это возможно.

Итак, по утверждению реалистов, лишь они способны объяснить тот факт, что предложения, содержащие абстрактные уникальные понятия, могут быть истинными. Однако они настаивают, что то, что мы называем абстрактной референцией, относится не только к предложениям наподобие рассмотренных выше. Существуют предложения, не содержащие абстрактных уникальных понятий, но тем не менее предполагающие референцию к таким вещам, как свойства, виды и отношения¹². Вот примеры предложений того рода, о котором говорят реалисты:

- (14) Этот помидор и этот брендспойт одного цвета.
- (15) Некоторые виды способны к перекрестному опылению.
- (16) Существуют еще неизвестные науке отношения, связывающие элементарные частицы.
- (17) Этой чертой характера он похож на своего двоюродного брата.

И

- (18) Эта форма была неоднократно экземплифицирована.

Хотя ни одно из этих предложений не включает уникального понятия, именующего универсалию, по словам реалистов, все они являются утверждениями об универсалиях — цветах, чертах характера, общих для множества вещей формах, биологических видах, к которым они принадлежат, и отношениях, в которые вступают. Реалисты настаивают на том, что ни одно из этих предложений не может быть истинным, если упомянутых универсалий на самом деле не существует. Так, (14)–(17) — недвусмысленные заявления о существовании универсалий, отвечающих определенным условиям; ни одно из них не может быть истинным, если отвечающих этим условиям универсалий не существует. И хотя предложение (18) не является прямым заявлением о существовании универсалии, его истинность предполагает существование по крайней мере одной неоднократно экземплифицирующейся сущности — определенной формы. Таким образом, мы возвращаемся к мысли, что существуют предложения, чья истинность подразумевает существование такого рода вещей, которые реалисты называют универсалиями. Реалисты отмечают, что многие предложения, подобные (14)–(18), являются истинными, и делают из этого вывод, что объяснить данный факт может лишь философ, считающий, что универсалии существуют.

¹² См., например, статью Родерика Чизолма «Свойства и положения дел, рассматриваемые сознательно» (*Properties and states of affairs intentionally considered*) в кн.: *Chisholm R. On Metaphysics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 141–142; а также работу: *Van Inwagen P. A Theory of Propositions // Oxford Studies in Metaphysics*. 2006.

Итак, в число предложений, дающих пример абстрактной референции, входят предложения, как содержащие, так и не содержащие абстрактные уникальные понятия. Но в обоих случаях реалисты отстаивают один и тот же тезис: чтобы объяснить истинность этих предложений, следует придерживаться онтологии метафизического реализма. Здесь стоит сделать пару замечаний. Во-первых, данный тезис независим от предлагаемого реалистами описания феномена предикации. Утверждения реалистов о предложениях, подобных (9)–(18), не предполагают существования какой-либо определенной теории предикации. Даже если допустить, что единственное связанное с предикатами семантическое свойство — это свойство быть истинным в отношении предметов, предикатами которых они являются, или соответствовать им, тем не менее использование предложений, подобных (9)–(18), интуитивно означает, что мы говорим о сущностях, отличающихся от конкретных партикулярий, знакомых нам из повседневного опыта. Можно подумать, что такое рассуждение подразумевается анализом предикации с позиций реализма. Как мы видели, когда реалисты пытаются объяснить и обосновать утверждение, что универсалии являются референтами предикатов, они ссылаются на тот факт, что стандартные субъектно-предикатные предложения вида «*a* есть *F*» можно парафразировать, получив предложения вида «*a* экземплифицирует свойство *F*». Но мы воспринимаем отсылку к этим парафразам как доказательство предлагаемой реалистами теории предикации лишь потому, что предложения вида «*a* экземплифицирует свойство *F*» включают абстрактные уникальные понятия, а также потому, что истинность включающих такие понятия предложений убеждает нас в существовании универсалий.

Во-вторых, нельзя должным образом оценить заявления реалистов касательно предложений с абстрактной референцией, игнорируя альтернативные представления о роли механизмов абстрактной референции: если альтернативные способы анализа предложений наподобие (9)–(18) окажутся несостоятельными, это станет обоснованием таких заявлений. Если же существует убедительное описание содержания и условий истинности таких предложений с точки зрения номинализма, то утверждение реалистов, будто истинность таких предложений вынуждает нас признать существование универсалий, необоснованно. То же верно и в отношении приведенного ранее довода относительно субъектно-предикатной истины. Убедительное объяснение того, как субъектно-предикатные предложения могут соответствовать неязыковому факту, при котором между предикатами и универсалиями не устанавливается референтная связь, поставило бы под вопрос утверждение реалистов, что мы нуждаемся в универсалиях для объяснения субъектно-предикатной истины. Таким образом, оба довода становятся гораздо понятнее, если интерпретировать их как поставленные перед номиналистами задачи — разработать систематические и интуитив-

но убедительные теории предикации и абстрактной референции, которые объяснили бы нам метафизические основания субъектно-предикатной истины и использования механизмов абстрактной референции, не отсылая к общим или разделяемым многими предметами сущностям. Как мы увидим в следующей главе, номиналисты признали две проблемы, сформулированные реалистами, и приложили существенные усилия, доказывая, что возможно альтернативное решение. А если учесть то, как именно реалистская теория абстрактной референции согласуется с реалистской теорией предикации, не стоит удивляться, что более всего номиналистов заботило объяснение роли абстрактных уникальных понятий. Как мы увидим, утверждение реалистов, будто наше интуитивное понимание предложений наподобие (9)–(18) предполагает существование универсалий, — это только первый шаг. Реалисты понимают, что им нужно дать ответ на альтернативные описания таких предложений. Однако они готовы сделать это и уверены, что исследование номиналистской теории абстрактной референции подтвердит их анализ.

Налагаемые на реализм ограничения: экземплификация

Может показаться, будто метафизические реалисты представляют собой единую группу, отстаивающую одну доктрину, но на деле между ними существуют разногласия по множеству вопросов. Наиболее важный из них касается степени всеобщности теории. Из нашего описания реализма можно сделать вывод, что его сторонники желают повсеместно применять платоновскую схему, так что каждому случаю того, для обозначения чего мы использовали дофилософское понятие совпадения атрибутов, реалист приписал бы особую универсалию. Аналогичным образом мы предположили, что каждое общее понятие, которое может выступать в роли предиката в истинном субъектно-предикатном предложении, выражает или коннотирует особую универсалию и что каждое семантически определенное абстрактное понятие называет уникальную универсалию. Но многие реалисты не готовы принять такой — лишенный ограничений — вариант теории. Они настаивают на необходимости таких ограничений теории, при которых универсалии соответствовали бы лишь некоторым из описаний способов существования вещей, лишь ограниченному набору общих понятий и лишь некоторым из абстрактных понятий нашего языка. Более того, между налагаемыми на теорию ограничениями есть различия, и, исследуя разные способы ограничения теории и основания для наложения каждого из ограничений, мы можем продемонстрировать разнообразные формы метафизического реализма.

Следует начать с того, что не существует такой версии метафизического реализма, в рамках которой последовательно и без всяких ограничений применялась бы платоновская схема или считалось бы, что любой безэквивалентный предикат или абстрактное понятие ассоциируется с отдельной и конкретной универсалией. При отсутствии всяких ограничений такая теория приводит к печально знаменитому парадоксу. Продемонстрировать парадоксальную природу ничем не ограниченного реализма можно, сосредоточившись на реалистском анализе предикации. Предположим, мы согласились с таким анализом безо всяких оговорок и полагаем, что каждому общему понятию, которое может занять место предиката в субъектно-предикатном предложении, соответствует какая-нибудь универсалия. Теперь рассмотрим общее понятие «не экземплифицирует себя». Конечно же, с точки зрения синтаксиса это сложное понятие, но, если мы того захотим, можно ввести одно-единственное выражение, заменяющее сложный предикат, чтобы сложность синтаксической конструкции оказалась незначительной деталью. Тогда у нас будет вполне приемлемое общее понятие, истинное в отношении всех вещей, которые не экземплифицируют себя (или соответствующее им), — и только таких вещей; и это будет общее понятие, которое может выступать в роли предиката в истинных предложениях. К примеру, данное выражение истинно в отношении Билла Клинтона, числа два и Тадж-Махала. Поскольку ни одна из этих вещей не экземплифицирует саму себя, то каждой подходит предикат «не экземплифицирует себя» и все соответствующие субъектно-предикатные предложения будут истинными. С другой стороны, существуют вещи — определенные универсалии, — к которым этот предикат неприменим. Можно предположить, что таково свойство быть бестелесным: вещь лишена тела и, следовательно, бестелесна. Равным образом, если существует такая вещь, как бытие самоидентифицируемой, то она тождественна самой себе и, стало быть, экземплифицирует себя. Следовательно, предикат «не экземплифицирует себя» не подходит ни одной из этих вещей.

Итак, если существуют истинные субъектно-предикатные предложения, в которых данное понятие выступает в роли предиката, то из той версии реалистской теории предикации, на которую не налагаются никакие ограничения, следует, что существует свойство, выражаемое или коннотируемое таким предикатным выражением. Ради удобства назовем его свойством не экземплифицировать себя. Предположение о существовании такого свойства немедленно приводит к парадоксу, ибо это свойство должно либо экземплифицировать, либо не экземплифицировать себя. Предположим, что оно себя экземплифицирует. Тогда, поскольку это свойство, которое вещь проявляет именно в том случае, когда она не экземплифицирует себя, получается, что оно себя не экземплифицирует. Таким образом, если оно себя экземплифицирует, то оно себя не экземплифицирует. С другой

стороны, предположим, что оно себя не экземплифицирует. Тогда получается, что, будучи свойством не экземплифицировать себя, оно себя экземплифицирует. Итак, если оно не экземплифицирует себя, то оно себя экземплифицирует. Но в этом случае оно экземплифицирует себя именно тогда, когда не экземплифицирует, — итог неутешительный¹³. Чтобы избежать парадокса, мы вынуждены отрицать существование универсалии, соотносящейся с общим понятием «не экземплифицирует себя». Реалистская теория предикации не работает для *всех* общих понятий, выступающих в роли предикатов субъектно-предикатных предложений.

Часто говорят, что на эту теорию нужно наложить еще некоторые ограничения, поскольку без них она приведет к бесконечной регрессии. Это очень старый спор: его можно обнаружить в платоновском «Пармениде», и со времен Платона он повторялся снова и снова¹⁴. Проблема, которая, предположительно, встает перед реалистами, касается ключевой идеи экземплификации. Одна из формулировок этой проблемы восходит к использованию реалистами платоновской схемы для объяснения совпадения атрибутов. Согласно этой схеме, там, где некоторое число объектов совпадает в том, что все они являются *F*, такое совпадение обусловлено множественной экземплификацией в них универсального «атрибута *F*». Проблема заключается в том, что при любом применении данной схемы она объясняет лишь один конкретный случай совпадения атрибутов — то, что все исходные объекты являются *F*, — лишь для того, чтобы столкнуться с другим — тем, что все они экземплифицируют «атрибут *F*». Но тогда мы вынуждены ссылаться на еще одну универсалию (экземплификацию «атрибута *F*») и говорить, что второй случай совпадения атрибутов возникает для наших исходных объектов в силу того, что они совместно экземплифицируют эту вторую универсалию. Но в этом случае мы объясняем второй случай совпадения атрибутов лишь для того, чтобы столкнуться с третьим: все наши исходные объекты совпадают в том, что экземплифицируют экземплификацию «атрибута *F*». Значит, нужно ссылаться на третью универсалию, которая, в свою очередь, породит еще один случай совпадения атрибутов, в результате которого понадобится следующая универсалия, — и вот перед нами

¹³ Это всего лишь частный случай так называемого парадокса Рассела. В более известной версии парадокс подводит к выводу, что не существует множества для каждого условия принадлежности ко множеству. Будь это не так, существовало бы множество, в которое входили бы все множества, не входящие в самих себя, — и только они. Но если бы такое множество существовало, то оно либо входило бы в себя, либо не входило бы, — в любом случае это привело бы к противоречию.

¹⁴ См.: Платон. Парменид. 131E–132B. Более современные рассуждения о реализме и бесконечной регрессии см. в работах: Strawson P.F. *Individuals*. Chap. V; Donagan A. *Universals and Metaphysical Realism*. P. 135–139; Loux M.J. *Substance and Attribute*. P. 22–27; Armstrong D. *Universals*. P. 53–57.

бесконечная регрессия случаев совпадения атрибутов и обосновывающих их универсалий. Какой отсюда вывод? Если мы разделяем платоновскую схему, то объяснение, которое эта схема, казалось бы, должна предоставлять, никогда не будет доведено до конца.

Очевидно, что та же проблема возникает, когда реалисты пытаются объяснить субъектно-предикатную истину. Реалисты заявляют, что любое субъектно-предикатное предложение

(19) *a* есть *F*

является истинным лишь при условии, что референт *a* экземплифицирует универсалию («атрибут *F*»), выражаемую *F*. Но тогда наше первоначальное предложение (19) является истинным лишь при условии истинности нового субъектно-предикатного предложения

(20) *a* экземплифицирует «атрибут *F*».

Складывается впечатление, что наше объяснение истинности предложения (19) не будет закончено, пока мы не обоснуем истинность этого нового предложения. Однако в предложении (20) есть новый предикат («экземплифицирует «атрибут *F*»»), выражающий новую универсалию (экземплификацию «атрибута *F*»). Согласно теории реалистов, предложение (20) может быть истинным, только если референт *a* экземплифицирует новую универсалию. Но это условие исполняется только в том случае, если истинным является предложение

(21) *a* экземплифицирует экземплификацию «атрибута *F*».

Поэтому наше объяснение истинности предложения (19), по-видимому, требует разъяснения истинности предложения (21). Кажется, мы снова сталкиваемся с бесконечной регрессией и снова приходим к выводу, что теория реалистов не работает.

Может показаться, что вывод из двух описанных нами регрессий прост: следует отвергнуть предлагаемое метафизическими реалистами объяснение совпадения атрибутов и предикации — философы-номиналисты часто ссылались на них, чтобы подвести именно к такому выводу. Однако реалисты отвечают, что нужно сделать другой вывод. Они соглашаются, что следует избегать регрессий, но полагают, что избежать их несложно: достаточно наложить ограничения на использование платоновской схемы и связанную с ней теорию предикации. Столкнувшись с первой регрессией, мы можем отрицать, что каждая конкретная форма совпадения атрибутов предполагает наличие особой и определенной универсалии. В частности, можно отрицать, что там, где совпадение образовано некоторым количеством объектов, экземплифицирующих универсалию, наличествует еще

одна универсалия, обосновывающая совпадение. Равным образом в случае второй регрессии можно отрицать, что каждое семантически обособленное общее понятие выражает отдельную универсалию. Соглашаясь с тем, что существует универсалия, соответствующая предикату любого предложения, имеющего ту же форму, что и (19), можно отрицать, что есть последующие универсалии, соответствующие предикатам предложений, имеющих ту же форму, что и (20) и любые другие, следующие за ним.

Таким образом, получается, что, ограничив применение платоновской схемы и реалистской теории предикации, можно избежать описанных выше регрессий. Однако можно поставить под сомнение идею, что здесь подойдет любое ограничение. Если эти регрессии реальны, сложно понять, почему они должны беспокоить реалистов. Рассмотрим утверждение, что использование платоновской схемы ведет к дурной бесконечности. Реалисты заявляют, что располагают схемой, обеспечивающей исчерпывающее объяснение любого конкретного случая совпадения атрибутов. Но предполагаемая регрессия никак не ставит это утверждение под вопрос. Если за каждым конкретным случаем совпадения атрибутов лежит бесконечное количество таких совпадений, это никак не компрометирует использование реалистами платоновской схемы для обеспечения полного и исчерпывающего объяснения первоначального случая совпадения атрибутов. Когда реалисты говорят, что все взятые нами для примера объекты являются *F*, ибо все они экземплифицируют «атрибут *F*», они дают нам исчерпывающее объяснение исходного случая совпадения атрибутов. Если, как следует из рассуждения, при объяснении вводится новый случай совпадения атрибутов, реалисты легко могут применить платоновскую схему и к нему — но вовсе не обязаны это делать. В частности, успех первоначального применения схемы для объяснения первого случая совпадения атрибутов никак не зависит от объяснения второго случая; то же самое можно сказать и о каждом случае совпадения атрибутов, предположительно следующем за первым. Поэтому если бесконечная регрессия реальна, то это — не дурная бесконечность. Следовательно, не нужно налагать никаких ограничений на использование платоновской схемы.

То же самое можно сказать в ответ на утверждение, что реалистам следует наложить ограничения на применение их теории субъектно-предикатной истинности. Даже если бесконечная регрессия, предположительно требующая соответствующих ограничений, реальна, это — не дурная бесконечность. Если, как следует из рассуждения, из реалистского объяснения истинности предложения (19) выводится новое истинное субъектно-предикатное предложение (20), то успешное объяснение реалистами истинности предложения (19) не предполагает объяснения истинности предложения (20). Если бы цель состояла в устранении или полном разложении в ходе анализа субъектно-предикатной формы дискурса, то возникновение

предложения (20) и в самом деле стало бы проблемой. Но реалисты вряд ли предполагают, что возможно устранить такую форму дискурса. В действительности, если здесь существует регрессия, то это регрессия, возникающая при любой попытке очертить онтологические основания субъектно-предикатной истины — независимо от того, предпринимают ли ее реалисты или номиналисты¹⁵. Возьмем номиналистскую теорию субъектно-предикатной истины. Для каждого субъектно-предикатного предложения, имеющего форму «*a* есть *F*», она определяет некоторое условие *C* и сообщает, что исходное предложение является истинным, лишь когда *C* выполняется. Но затем возникает новое субъектно-предикатное предложение («*a* таково, что *C* выполняется»), и наше первоначальное предложение может быть истинным лишь при условии, что истинно это второе предложение. Следовательно, данная теория будет регрессивной не в меньшей степени, чем теория реалистов. И ни в одном из случаев бесконечность предполагаемой регрессии не окажется дурной. Так что даже если здесь и существует регрессия, не требуется накладывать никаких условий на пределы применимости реалистской теории предикации.

Тем не менее, если мы не имеем дела с дурной бесконечностью, по-видимому, из двух описанных выше регрессий следует, что за любым случаем совпадения атрибутов или за любым истинным субъектно-предикатным утверждением скрывается бесконечный ряд отдельных универсалий. Некоторым реалистам это может внушить тревогу, и, чтобы свести число универсалий к минимуму, они могут подумать, что на реалистские теории совпадения атрибутов и предикации следует наложить соответствующие ограничения. Но, если реалистов беспокоит переусложненная онтология, они могут отрицать саму реальность соответствующих регрессий. Они могут поставить под сомнение идею, будто, говоря, что объекты, совпадающие в том, что являются *F*, совместно экзemplифицируют универсалию «атрибут *F*», мы тем самым выявляем второй случай совпадения атрибутов. Можно сказать, что, применяя платоновскую схему к определению онтологических оснований конкретного случая совпадения атрибутов, мы не вводим новый случай, а даем абсолютно четко сформулированное и более точное с точки зрения метафизики описание старого. Сходным образом можно утверждать, что предикат предложения (20) «экзemplифицирует «атрибут *F*»» отличается от предиката *F* предложения (19) лишь синтаксически или грамматически: семантически оба предиката равнозначны, а потому имеют одни и те же онтологические основания.

Итак, ни одна из двух первых попыток доказать, что реалистская теория приводит к регрессии, требующей наложения на эту теорию ограничений, не увенчалась успехом. Однако есть третий способ обосновать данный те-

¹⁵ Это хорошо изложено в работе: *Armstrong D. Universals*. P. 54–55.

зис. Согласно мнению большинства реалистов, он порождает для их теории настоящие проблемы, которые невозможно разрешить, всего лишь ограничив область ее применения. По их мнению, чтобы партикулярия a была F , и партикулярия a , и универсалия F обязательно должны существовать. Но нужно и еще кое-что — а именно: чтобы a экзemplифицировала «атрибут F ». Однако, в соответствии с нашей формулировкой теории реалистов, экзemplификация партикулярией a универсалии «атрибут F » — вопрос отношения: a и «атрибут F » вступают в отношение экзemplификации. Но реалисты настаивают, что отношения сами являются универсалиями и что два объекта могут иметь друг к другу отношение, только если они экзemplифицируют отношение, вступая в него. Из этого следует, что, если нам в результате нужно получить, что a есть F , мы нуждаемся в новой, более высокого уровня форме экзemplификации (назовем ее экзemplификацией₂), функция которой — обеспечить, чтобы a и атрибут F вступили в экзemplифицируемое отношение. К сожалению, сама экзemplификация₂ является дополнительным отношением, так что нам может понадобиться экзemplификация еще более высокого уровня (экзemplификация₃), которая должна обеспечить установление между a , атрибутом F и экзemplификацией отношения посредством экзemplификации₂. Очевидно, что таким образом мы будем постоянно нуждаться во все новых уровнях экзemplификации. И снова получается, что единственный способ, которым мы когда-нибудь сможем добиться желаемого результата (a есть F), — отрицать применимость теории реалистов к понятию экзemplификации.

Приведенное выше рассуждение является вариантом известного аргумента Ф.Г. Брэдли¹⁶. Целью Брэдли было показать, что не может быть такой вещи, как отношения, тогда как цель нашего рассуждения скромнее — показать, что реалистское описание того, что у вещи есть свойство, она принадлежит к виду или вступает в отношения, неприменимо к самому себе. Итак, некоторые реалисты полагали, что, хотя описанная выше бесконечная регрессия и реальна, это не дурная бесконечность¹⁷. По их мнению, эта регрессия угрожает их теории не больше, чем две описанные нами ранее. Однако такие реалисты находятся в меньшинстве: с точки зрения большинства, бесконечность этой регрессии является дурной. Не вполне понятно, почему именно это так: на первый взгляд, у нее та же формальная структура, что и у двух предыдущих. Разумеется, иногда реалисты ошибочно полагали, что первые две регрессии представляют проблему, — неудивительно, что и третья внушала им опасения. Удивляет то, что реалисты, которых совершенно не тревожат первые две регрессии, могут беспокоиться о третьей. Вероятно, им казалось, что она, в отличие от первых двух, делает невозмож-

¹⁶ Bradley F.H. *Appearance and Reality*. Oxford: Oxford University Press, 1930. P. 17–18.

¹⁷ См.: Wolterstorff N. *On Universals*. P. 102.

ным объяснение того, что мы хотели объяснить изначально, — что *a* есть *F*. Или же они подозревали, что, если реалисты не смогут отыскать некий соединительный механизм, связующая роль которого не зависит от какого-то дополнительного соединительного механизма более высокого уровня, им не удастся успешно объяснить, почему партикулярия *a* является *F*. Однако их правота совершенно неочевидна. Разумно полагать, что, заявив, что *a* есть *F* потому, что *a* и «атрибут *F*» вступают в отношение экземплификации, реалисты завершили свое объяснение того, что *a* есть *F*. Разумеется, появится новый факт, который им может захотеться объяснить, — то, что *a* и «атрибут *F*» вступают в отношение экземплификации. Однако похоже, что неспособность объяснить этот новый факт никак не компрометирует объяснение первоначального факта — того, что *a* есть *F*.

Но независимо от того, находим ли мы эти соображения убедительными или нет, третья регрессия все равно занимает видное место в истории метафизического реализма. Как правило, реалисты верили, что единственным оставшимся им вариантом действий было остановить регрессию еще до ее начала¹⁸. Чтобы остановить регрессию, они настаивали на том, что теория реалистов неприменима к самому понятию экземплификации. Очевидно, что подобное ограничение нуждается в некотором обосновании, и таким обоснованием является утверждение, что экземплификация — это не отношение. Реалисты утверждают, что если отношения могут связывать объекты только посредством уз экземплификации, то экземплификация связывает объекты, устанавливая между ними отношения, без каких-либо дополнительных посредников. Она, — говорят нам, — представляет собой непосредственное связующее звено; этот факт рассматривается как элементарная категориальная характеристика понятия экземплификации. Итак, если до сих пор мы говорили об экземплификации как об отношении, связывающем партикулярии с универсалиями, а универсалии друг с другом, то наше воспроизведение представлений реалистов об этом понятии будет более корректным, если мы вслед за ними будем воспринимать экземплификацию как «узы» или «связь» (использование здесь этих терминов позволяет выявить *нереляционную* природу связи, обеспечиваемой этим понятием).

Итак, как правило, реалисты отрицают, что их собственная теория применима к экземплификации. Независимо от того, находим ли мы это ограничение достаточно обоснованным или нет, нам следует признать, что у него есть дополнительное преимущество: если теория реалистов неприменима к понятию экземплификации, то сделанное нами выше заявление о

¹⁸ См., например: *Donagan A. Universals and Metaphysical Realism*. P. 138; *Strawson P.F. Individuals*. P. 169; *Bergmann G. Meaning // Bergmann G. Logic and Reality*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1964. P. 87–88.

неприменимости платоновской схемы к предикату «не экземплифицирует себя» выглядит не столь уж отчаянной и ситуативной попыткой избежать парадокса. Если есть основания полагать, что эта схема неприменима к понятию экземплификации, то вполне естественным будет предположить, что она неприменима и к понятиям, выводимым из него. И поскольку утверждение, что экземплификация не является отношением, дает реалистам некоторые основания отрицать применимость к ней платоновской схемы, может показаться, что у них есть веские и независимые от угрозы парадокса основания исключать из области применения этой схемы понятие «быть несамоземплифицирующимся».

Дальнейшие ограничения: определенные и неопределенные предикаты

Как я писал, большинство реалистов одобрило бы ограничения, которые мы уже наложили на метафизический реализм; но некоторые из них захотят наложить дальнейшие ограничения. Возьмем, к примеру, предикат «холостяк». Согласно теории реалистов (как мы сформулировали ее выше), существует универсалия, коррелирующая с этим предикатом. Что это за универсалия? Можно предположить, что это свойство «быть холостяком». Но эта универсалия — свойство, которым вещь может обладать лишь при условии, что она обладает также свойством «быть существом мужского пола», свойством «быть человеком» и свойством «быть неженатым». Так сколько же здесь свойств? Чтобы приписать вещи предикаты «существо мужского пола», «человек» и «неженатый», она должна обладать свойствами «быть существом мужского пола», «быть человеком» и «быть неженатым». Но нужно ли здесь также дополнительное свойство — «быть холостяком»? Мы можем вполне удовлетворительно охарактеризовать предикат «холостяк», сославшись на три других (по-видимому, более фундаментальных) свойства. Не окажется ли тогда добавление в наш перечень четвертого свойства избыточным? Не будет ли оно бесполезным и ненужным? Но сомнения в необходимости введения дополнительного свойства для предиката «холостяк» можно вполне естественным образом распространить на предикат «неженатый». Если мы признаем, что нуждаемся в свойстве, соответствующем предикату «женатый», то нужно ли нам вводить дополнительное противоположное свойство в случае предиката «неженатый»? Нельзя ли вместо этого сказать, что данный предикат является истинным в отношении вещи как раз в том случае, когда она лишена свойства, соответствующего предикату «женатый»? И опять-таки не является ли избыточным добавление противоположного качества к нашей онтологии? И, разумеется, если мы согласимся (как, по-видимому, должны) с тем, что предикат «женатый» мож-

но определить посредством других, более фундаментальных предикатов, то наши сомнения относительно предикатов «холостяк» и «неженатый» можно распространить и дальше.

Данные вопросы вынудили некоторых реалистов наложить очень жесткие ограничения на описанный выше анализ предикации. Они настаивают на существовании различия между предикатами, которые называют *неопределенными* и *определенными*¹⁹. Идея состоит в том, что существуют некоторые предикаты, никак не определенные посредством других предикатов; эти элементарные предикаты обретают значение благодаря своей непосредственной корреляции с универсалиями. Все остальные предикаты являются определенными посредством этих элементарных предикатов. Тогда, согласно данному представлению, не существует конкретных особых универсалий, коррелирующих с каждым семантически неравноценным предикатом, — так происходит лишь в случае предикатов элементарных, или неопределенных. Семантические свойства определенных предикатов можно объяснить, сославшись на универсалии, коррелирующие с элементарными предикатами, посредством которых они определяются.

Хотя на первый взгляд наложение таких ограничений на реалистский анализ предикации может показаться перспективным, он не лишен недостатков. Основная проблема в том, что невозможно четко разделить предикаты на фундаментальные, или элементарные, и определенные. Философы вынуждены сами делить их на группы, и, вероятно, любое подобное деление будет в известной мере произвольным. То, что при одном способе формализации языка оказывается фундаментальным, или неопределенным, предикатом, при другой с не меньшим основанием становится определенным выражением. Это вызывает сомнения в метафизической состоятельности любой попытки разделить предикаты на элементарные и определенные. Если различие между неопределенными и определенными предикатами должно указать нам, какие существуют универсалии, оно вряд ли должно определяться чьей-то произвольной формализацией.

Поэтому, чтобы избежать упрека в произвольности своего выбора, реалисты, считающие данное различие полезным, должны будут дать какое-то философское обоснование решению считать некоторые предикаты фундаментальными. Одним из важных видов таких обоснований будет эпистемологическое. Реалисты, принимающие сильную эмпирическую программу теории познания, настаивают, что фундаментальные, или элементарные, предикаты — это предикаты, выражающие черты или характеристики, являющиеся, по мнению эмпириков, фундаментальными с точки зрения эпи-

¹⁹ См., например: *Donagan A. Universals and Metaphysical Realism. P. 128–129; Bergmann G. Two types of linguistic philosophy // Bergmann G. The Metaphysics of Logical Positivism. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1954. P. 122.*

стемологии. Таким образом, речь идет о предикатах, выражающих цвета, звуки, запахи, простые формы и т.п. Каждому такому безэквивалентному предикату соответствует конкретная особая универсалия. По утверждению таких реалистов, все остальные предикаты можно определить, сославшись на эти универсалии.

Хотя изложенное выше мнение было популярно среди реалистов в первой половине XX века, сегодня у него не так уж много сторонников. Те, кто его разделял, обнаружили, что значительное число предикатов невозможно проанализировать лишь посредством чувственно воспринимаемых свойств. Теоретические предикаты науки и нравственные или этические предикаты — это лишь два случая, представляющих проблему для реалистов-эмпириков. Поняв, что проанализировать данные предикаты с точки зрения исключительно чувственного восприятия невозможно, они были вынуждены отрицать наличие у предикатов какого-либо подлинного дескриптивного содержания и принять в высшей степени неправдоподобные теории об их роли в языке. Таким образом, они заявляли, что теоретические предикаты науки являются не чем иным, как орудиями или инструментами, позволяющими нам перейти от одного набора утверждений, в которых используются исключительно предикаты, связанные с чувственным восприятием, к другому подобному набору, и что этические предикаты — не более чем лингвистические механизмы, позволяющие нам выразить чувства или эмоции относительно людей, их действий и образа жизни.

Впрочем, не только эмпиристский лейтмотив этой теории вызывает у философов скептицизм в отношении идеи, будто различие между определенными и неопределенными предикатами является важным с точки зрения онтологии. Как бы мы ни делили предикаты на элементарные и определенные, мы станем придерживаться мнения, что любой неэлементарный предикат можно целиком и полностью определить посредством предикатов, считающихся элементарными. Но на самом деле лишь немногие предикаты нашего языка можно, подобно предикату «холостяк», определить, прибегнув к более простым предикатам. Известное рассуждение Витгенштейна о предикате «игра» делает очевидной таящуюся здесь проблему, хотя изначально цели его были несколько иными.

Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем «играми». Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? — Не говори: «В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы “играми”», но *присмотрись*, нет ли чего-нибудь общего для них всех. — Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство и притом целый ряд таких общих черт. Как уже говорилось: не думай, а смотри! — Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты ис-

чезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. — Все ли они «развлекательны»? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики. Во всех ли играх есть выигрыш и проигрыш, всегда ли присутствует элемент соревновательности между игроками? Подумай о пасьянсах. В играх с мячом есть победа и поражение. Но в игре ребенка, бросающего мяч в стену и ловящего его, этот признак отсутствует. Посмотри, какую роль играют искусство и везение. И как различна искусность в шахматах и в теннисе. А подумай о хороводах! Здесь, конечно, есть элемент развлекательности, но как много других характерных черт исчезает. И так мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними²⁰.

Вполне очевидно, что «игра» не будет элементарным предикатом. Но если Витгенштейн прав, то попытка выявить ряд наиболее фундаментальных предикатов, связанные с которыми качества позволят обеспечить необходимые и достаточные условия для применения предиката «игра», обречена на неудачу. У «игры» более рыхлая, менее строгая семантическая структура, чем у таких понятий, как «холостяк», — структура, которую невозможно описать с помощью какого-либо формального определения. Витгенштейн заявляет, что это характерно для большинства предикатов нашего языка.

В свете замечаний Витгенштейна неудивительно, что различие между элементарными и определенными предикатами не играет заметной роли в работах современных реалистов. Некоторые попросту считают неуместными ограничения, которые исследователи, обращающиеся к этой дилемме, желают наложить на реализм²¹. Они придерживаются *холизма* в отношении универсалий, то есть отвергают любые попытки свести один набор универсалий к другому. С другой стороны, их глубоко впечатляет, что там, где можно провести формальное различие между предикатами, любые попытки разделить предикаты на определенные и неопределенные обречены оставаться произвольными. Поэтому (возможно, соглашаясь, что платоновская схема и связанная с ней теория предикации неприменимы к понятию экземплификации) они настаивают, что универсалии, связанные с такими предикатами, как «холостяк» и «неженатый», не менее приемлемы и реальны, чем те, что связаны с такими предикатами, как «синий» и «красный». С другой стороны, они соглашаются с Витгенштейном в том, что многие предикаты сопротивляются формальному определению посредством других, более фундаментальных предикатов. Однако, в отличие от Витгенштейна, они не считают данный факт проблематичным для реалистов. Так,

²⁰ Витгенштейн Л. *Философские исследования* / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Осеевой // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. I / пер. с нем., сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. См. также: *Wittgenstein L. Philosophical Investigations* / G.E.M. Anscombe (trans.). London: Macmillan, 1953. P. 66.

²¹ См., например: *Loux M.J. Substance and Attribute*. P. 20–21.

в ответ на требование Витгенштейна указать на универсалию, общую для всех явлений, называемых играми, они указывают на свойство быть игрой и полагают, что невозможность свести это свойство к иным, более привычным универсалиям не порождает каких бы то ни было проблем.

При этом другие современные реалисты настаивают, что необходимо наложить ограничения на применение платоновской схемы²², даже если с точки зрения онтологии разделение предикатов на элементарные и определенные окажется неудачной попыткой наложить ограничения на теорию реалистов. Поэтому они согласны с тем, что использование нами лишь некоторых предикатов имеет подлинный онтологический смысл, и утверждают, что эмпирики ошиблись не тогда, когда пытались ограничить область применения реализма, — их ошибкой было называть интересными с точки зрения онтологии предикатами лишь те, что связаны с чувственным восприятием и наблюдением, и настаивать, что отношения между онтологически значимыми предикатами и другими предикатами — вопрос определения или перевода. Такие реалисты обвиняют своих склонных к холизму или антиредукционизму коллег в *априоризме* — представлении, будто можно определить, какие универсалии существуют, просто поразмыслив на досуге о структуре нашего языка. По мнению холистов, чтобы определить, какие универсалии существуют, нужно просто бросить взгляд на совокупность имеющихся у нас предикатов: каждому безэквивалентному предикату соответствует конкретная особая универсалия. В противоположность такому предполагаемому априоризму, можно сказать, что вопрос о том, какие универсалии существуют, — это эмпирический вопрос, на который мы способны найти ответ в ходе научного исследования. Неудивительно, что метафизические реалисты, выступающие против лингвистического априоризма, как правило, также оказываются *научными реалистами*. Это означает, что, по их мнению, эмпирические науки, и в частности физика, являются критерием бытия для всего сущего. Таким образом, они утверждают, что предикаты, имеющие значение с точки зрения онтологии, — это те, что необходимы для формулировки корректной физической теории. Следовательно, онтологическое значение имеют только предикаты физики в ее окончательном варианте.

Но если мы с этим согласимся, то что же делать с предикатами, не играющими никакой роли в физической теории? По очевидным причинам идея существования правил перевода, позволяющих перейти от сугубо физических предикатов к нефизическим, не показалась жизнеспособной философам, стремившимся дополнить метафизический реализм строгим научным реализмом. Вместо этого мы наблюдаем, как философы отстаивают две формы реализма, высказывая различные и противоречащие друг другу су-

²² См., например: *Armstrong D. Universals*. P. 87.

ждения о связи между обладающей онтологическим значением структурой физической теории и ненаучной структурой здравого смысла. Приведем два таких суждения. Согласно первому, выражающему менее радикальную точку зрения, коррелирующие с предикатами универсалии и не являющиеся частью физической теории абстрактные термины действительно существуют; но онтологический приоритет остается за физическими свойствами, видами и отношениями. Эти универсалии считаются онтологически первичными или фундаментальными, а другие — зависящими от них. Идея в том, что, хотя не задействованные в физической теории универсалии, возможно, не сводятся к тем, что в ней задействованы, и их нельзя проанализировать посредством последних, тем не менее универсалии, задействованные в физической теории, их фиксируют или определяют. То, к какому физическому виду принадлежит вещь, какими физическими свойствами она обладает и в какие физические отношения вступает, однозначно определяет, какие нефизические виды, свойства и отношения она проявляет. Обычно говорят, что нефизические универсалии *находятся в отношении супервенции* к физическим. Согласно этому представлению, идентифицировав все физические факты (то есть все факты, признаваемые корректной физической теорией), мы фиксируем все факты, как физические, так и нефизические. Таким образом, хотя нефизические свойства, виды и отношения, возможно, и не поддаются анализу посредством универсалий физики, последние обеспечивают онтологические основания для существования первых²³.

Второе, более радикальное, мнение принадлежит *элиминативистам*, отказывающимся считать онтологически значимыми те предикаты и абстрактные термины, которые невозможно приписать, сославшись на универсалии, задействованные в физической теории²⁴. С точки зрения элиминативистов, наша повседневная ненаучная речь является выражением теории, описывающей устройство мира, и подобно любой другой теории ее можно заменить теорией, дающей более точное представление о структуре реальности. Согласно взглядам элиминативистов, лучшая из наших теорий о природе мира — та, что формулируется современной физикой. В той мере, в какой наши ненаучные представления о мире несовместимы с современной физической теорией, они ошибочны. Ее предикаты и абстрактные по-

²³ Полезное обсуждение понятия супервенности содержится в главе «Концепции супервенности» (*Concepts of supervenience*) кн.: Kim J. *Supervenience and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 53–78.

²⁴ Обсуждаемые здесь проблемы обычно составляют предмет философии сознания, в которой статус качественных признаков сознания оказывается проблематичным для философов, принимающих сильный материализм и считающих, что существующие вещи — это просто объекты, постулируемые нашими лучшими физическими теориями. Основательное обсуждение этих проблем и изложение элиминативистской стратегии см. в кн.: Churchland P. *Matter and Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. Chap. II.

нятия, подразумевающие отсылку к универсалиям, которые невозможно ввести в проецируемую физикой картину мира, — это понятия, лишенные референции. Универсалий, которые они стремятся выразить или назвать, попросту не существует. Элиминативисты отрицают, что здесь есть какая-то загадка. Это просто еще одна ситуация, в которой теоретические постулаты одной теории отвергаются в пользу постулатов теории более адекватной.

Возможны ли неэкземплифицированные атрибуты?

Хотя отмеченные нами различия играли важную роль в истории метафизического реализма, наиболее важный вопрос — яблоко раздора для реалистов — связан с идеей *неэкземплифицированных* универсалий. Намечая основные контуры реализма, мы фокусировались на конкретных случаях совпадения атрибутов и на использовании общих понятий и абстрактных единичных понятий в предложениях, действительно являющихся истинными. Однако существует важная традиция, последователи которой настаивают на том, что эта приверженность в действительности существующему ошибочна — она подводит нас к предположению, что на самом деле все универсалии являются реализованными на практике или экземплифицированными. Но сторонники этой версии реализма утверждают, что помимо экземплифицированных универсалий существует множество свойств, видов и отношений, которые не являются экземплифицированными и никогда не были и не будут таковыми²⁵. У некоторых из них конкретное воплощение отсутствует лишь *условно* — то есть они таковы, что могут быть экземплифицированы, но в действительности не экземплифицированы. Так, без сомнения, существует множество сложных форм физических объектов, которые могли бы существовать, но никогда не существовали. По мнению таких реалистов, все соответствующие формы являются условно неэкземплифицированными универсалиями. Но многие из таких реалистов далее заявляют, что помимо лишь условно неэкземплифицированных универсалий существуют атрибуты, которые *не экземплифицированы по необходимости*: эти атрибуты таковы, что ничто и никогда не может их экземплифицировать. Так, например, не может существовать вещь, одновременно круглая и квадратная. Ничто не может совмещать обе эти формы. Эти реалисты настаивают, что есть соответствующий такому совмещению атрибут — атрибут, по необходимости неэкземплифицируемый.

Таким образом, некоторые реалисты убеждены в существовании нереализуемых в конкретных примерах свойств, видов и отношений. Посколь-

²⁵ См., например: *Donagan A. Universals and Metaphysical Realism. P. 131–133; Loux M.J. Substance and Attribute. Chap. V.*

ку есть фрагменты, свидетельствующие, что в это верил и Платон, назовем таких реалистов платониками²⁶. Им возражают реалисты, полагающие, что каждая универсалия в тот или иной момент — по крайней мере однажды — реализовывалась на практике. Вполне обоснованным представляется утверждение, что в онтологии Аристотеля было место лишь экземплифицированным универсалиям, ибо он учит нас, что, будь все здоровы, не было бы на свете болезней, а будь все вещи белы, — не существовало бы черного цвета²⁷. А потому назовем отвергающих неэкземплифицированные универсалии Платона реалистов аристотеликами.

Что именно является яблоком раздора для реалистов аристотелевского и платоновского толка²⁸? Чтобы ответить на этот вопрос, спросим для начала, почему аристотелики возражают против существования неэкземплифицированных универсалий. Обычно они говорят, что принимать платонический вариант реализма — значит отрицать, что свойства, виды и отношения обязательно должны быть укоренены в пространстве и времени. По их мнению, платоновские универсалии являются онтологическими «поплавками», условия существования которых не зависят от конкретного пространственно-временного мира. Но разделить такое представление об универсалиях, — полагают аристотелики, — значит принять онтологию двух миров наподобие той, которую мы находим у самого Платона. Согласно ей, мы сталкиваемся с радикальным раздвоением реальности, при котором универсалии и конкретные партикулярии находятся в отдельных и не связанных друг с другом областях мироздания. Аристотелики считают, что такое раздвоение приводит как к метафизическим, так и к эпистемологическим проблемам. Сложно понять, как возможна какая-либо связь между пространственно-временными объектами и сущностями, находящимися всецело вне пространства и времени. Тем не менее реалисты убеждены, что такие связи существуют. В конце концов, согласно краеугольному камню метафизического реализма — реалистской интерпретации совпадения атрибутов, — пространственно-временные партикулярии таковы, каковы они есть, принадлежат к тем видам, к которым принадлежат, и соотносятся друг с другом так, как соотносятся, лишь на том онтологическом основании, что они связаны или сопряжены со свойствами, видами и отношения-

²⁶ См.: *Plato. Phaedo* // *Plato: The Collected Works* / eds E. Hamilton, H. Cairns. New York: Pantheon Books, 1961. 73A–81A; *Plato. Republic* // *Plato: The Collected Works*. 507B–507C.

²⁷ См.: *Aristotle. Categories* // *The Basic Works of Aristotle* / ed. R. McKeon. New York: Random House, 1941. 11, 14a8–10. Современную версию аристотелизма отстаивает Армстронг в кн.: *Armstrong D. Universals*. P. 75–82.

²⁸ Большинство важнейших для дискуссий, о которых пойдет речь ниже, вопросов обсуждается в работах: *Donagan A. Universals and Metaphysical Realism*; *Loux M.J. Substance and Attribute*; *Armstrong D. Universals*; *Chisholm R. Properties and states of affairs intentionally considered* // *Chisholm R. On Metaphysics*. P. 141–142.

ми. Более того, в высшей степени удивительно, как подобные нам существа, всецело принадлежащие к пространству-времени конкретных партикулярий, вообще могут помыслить существующие вне времени и пространства сущности, — каковы, по словам платоников, свойства, виды и отношения. Поскольку кажется, что между такими пространственно-временными партикуляриями, как мы, и сущностями, находящимися вне пространства и времени, не может быть никаких причинно-следственных отношений, складывается впечатление, что единственный способ объяснить наше знание об универсалиях — это заявить, что такое знание является врожденным или априорным. Но аристотелики, как правило, относятся к идее врожденного знания скептически. Они настаивают, что, как и любое наше знание, наше знание о свойствах, видах и отношениях имеет эмпирическое происхождение. Действительно, аристотелики отрицают, что можно отделить наше знание об универсалиях от нашего знания о конкретных пространственно-временных партикуляриях. По их мнению, мы постигаем партикулярии, лишь постигая виды, к которым те принадлежат, проявляемые ими свойства и отношения, в которые они друг с другом вступают; и, в свою очередь, соответствующие виды, свойства и отношения мы постигаем лишь посредством эпистемологического контакта с экземплифицирующими их партикуляриями.

А как же платоники обосновывают идею невоплощенных или неэкземплифицированных универсалий? Одна из важных стратегий состоит в утверждении, что ровно те семантические соображения, которые приводят нас к постулированию экземплифицированных универсалий, подтверждают и тезис о существовании универсалий неэкземплифицированных. Платоники заявляют, что универсалии не просто являются референтами предикатов истинных субъектно-предикатных предложений. То же самое верно и в отношении ложных субъектно-предикатных предложений. Предположим, что существуют объект *a* и человек *P*, причем *P* ошибочно уверен в истинности предложения

(19) *a* есть *F*.

P может с утвердительной интонацией произнести предложение (19). Хотя сказанное в (19) ложно, *P* нечто утверждает. Но что? Если бы (19) было истинно, то, утверждая (19), *P* утверждал бы, что объект *a* экземплифицирует универсалию *F*. Платоник скажет, что то, что утверждает *P*, произнося предложение (19), не может зависеть от истинности или ложности (19), а потому *P* утверждает то же самое, что *P* утверждал бы, будь (19) истинным. Таким образом, *P* утверждает (и, как получается, ошибается), что *a* экземплифицирует свойство *F*. Но, — продолжает платоник, — *F* могло бы быть общим понятием (скажем, предикатом, описывающим форму), которое не соответствует или не является истинным в отношении никакого

существующего ныне, в прошлом или в будущем объекта. Таким образом, семантические соображения, подводящие нас к предположению о существовании экземплифицированных универсалий, обосновывают также и онтологию неэкземплифицированных универсалий. Далее платоник мог бы заявить, что F с таким же успехом мог бы быть предикатом, по необходимости не являющимся истинным в отношении чего бы то ни было, так что сложилось бы впечатление, что тот же довод подкрепляет веру в существование по необходимости неэкземплифицированных свойств, видов и отношений.

Обычно платоники настаивают, что все универсалии, экземплифицированы они или нет, являются *необходимыми сущностями*. В отличие от тех партикулярий, которые существуют условно, но не обязательно, свойства, виды и отношения таковы, что не могут не существовать. Чтобы продемонстрировать это, платоники говорят, что для каждого свойства утверждение, что это — свойство, не просто истинно, но истинно по необходимости. Затем они заявляют, что, подобно тому как истинность утверждения об объекте предполагает существование этого объекта в действительности, необходимость истинности утверждения о том или ином объекте предполагает необходимость существования этого объекта. По словам платоников, необходимая истина — это истина, которая не может оказаться ложной; а если необходимая истина является утверждением о конкретном объекте, то этот объект не может не существовать. Таким образом, каждое свойство таково, что не может не существовать; каждое свойство является необходимой сущностью. То же самое верно для видов и отношений. Итак, платоники настаивают, что мы должны различать существование свойства, вида или отношения и его экземплификацию или воплощение. Если экземплификация может быть условной, то существование никогда условным не бывает.

Критикуя аристотеликов, платоники говорят, что, поскольку те не могут провести такое различие, существование универсалии оказывается у них зависимым от существования чего-то, ее экземплифицирующего; таким образом, все переворачивается с ног на голову. К универсалиям обращаются, чтобы объяснить совпадение атрибутов у партикулярий и то, почему конкретные партикулярии таковы, какими являются. Следовательно, предполагается, что с точки зрения онтологии универсалии предшествуют экземплифицирующим их партикуляриям. Однако, если следовать за аристотеликами, все переворачивается с ног на голову. Получается, что существование универсалий зависит от того, что партикулярии принадлежат к тому или иному роду вещей, так или иначе характеризуются либо тем или иным образом связаны друг с другом. Подобные воззрения разрушают центральную идею метафизического реализма.

Наконец, хотя некоторые реалисты (в том числе, возможно, и сам Платон) готовы одобрить онтологию «двух миров», многие платоники скажут,

что аристотелики совершенно ошибаются, полагая, будто онтология неэкземплифицированных универсалий будет неизбежно заражена метафизическими проблемами теории «двух миров». Они настаивают, что, по их мнению, узлы экземплификации связывают универсалии и партикулярии, и утверждают, что, хотя данное понятие с точки зрения онтологии является базовым или элементарным, это вполне достойная идея, в равной мере дорогая сердцу как аристотеликов, так и платоников. Они считают надуманным убеждение аристотеликов, будто перед платониками встают неразрешимые эпистемические проблемы. Как утверждают платоники, хотя для некоторых универсалий примеры реализации в пространственно-временном мире и отсутствуют, для многих других такие примеры есть; наше знание об экземплифицированных универсалиях может быть доступно благодаря последовательному эмпиризму. По их мнению, мы способны помыслить эти универсалии просто потому, что воспринимаем пространственно-временные партикулярии, которые их экземплифицируют; любое иное наше знание об универсалиях основано на нашем знании об этих экземплифицированных универсалиях. Таким образом, мы узнаем о некоторых неэкземплифицированных универсалиях, экстраполируя наши основанные на опыте знания о реализуемых в конкретных случаях свойствах, видах и отношениях. Если существуют универсалии, которые никаким поддающимся познанию образом не связаны с экземплифицированными универсалиями, встречаемыми нами при повседневном взаимодействии с миром, то платоники признают, что мы ничего о таких универсалиях не знаем, но не согласятся с тем, что в этом есть что-то удивительное. Скорее, они скажут, что именно этого и следовало ожидать.

Рекомендуемая литература

Тому, кто желает ознакомиться с классическими источниками метафизического реализма, для начала следует прочитать платоновского «Федона», V–VII книги «Государства» и начало диалога «Парменид». Рассуждения Аристотеля о взглядах Платона читать нелегко, но бесстрашному исследователю можно порекомендовать «Метафизику» (А.6, В и Z.13–16). Современные апологии реализма часто являются весьма специализированными сочинениями, но тот, кто прочитает главы IX и X книги Рассела [Russell, 1912], работы Донагана [Donagan, 1963] и Армстронга [Armstrong, 1989a], статью Чизолма «Свойства и положения дел, рассматриваемые сознательно» в [Chisholm, 1989], а также работу ван Инвагена [van Inwagen, 2006], заложит хороший фундамент для чтения литературы, упомянутой в примечаниях. Тексты Рассела и Армстронга можно найти в антологии *Metaphysics: Contemporary Readings*.

Учебное издание

Переводные учебники ВШЭ

Майкл Дж. Лакс, Томас М. Крисп

Метафизика
Современное введение

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.В. Фомина*

Макет и компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*

Корректор *О.В. Кириллова*

Дизайн обложки: *В.П. Коршунов*

Рисунок на обложке сгенерирован
программой Playground AI / Mighty Computing, Inc.

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 07.12.2023. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 38,4. Уч.-изд. л. 33,3
Тираж 600 экз. Изд. № 2665

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,
тел.: +7 (8352) 56-00-23